

Владислав Русанов

Импровиз. Сердце менестреля

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8883483

Владислав Русанов. Импровиз. Сердце менестреля: Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-76627-7

Аннотация

Ланс алыт Грегор из Дома Багряной Розы, величайший в двенадцати державах маг-менестрель, приезжает по приглашению герцога Аркайла, чтобы играть на осеннем балу. Там он случайно встречается с Реналлой из Дома Желтой Луны и влюбляется. Тут же на балу Ланс затевает ссору с сыном посланника Браккарских островов и убивает его на следующее утро на дуэли, несмотря на то что влиятельные люди настаивали на проигрыше Ланса. Менестрель вынужден бежать из Аркайла в чем был, ведь даже магия его музыки не защитит от топора палача...

Содержание

Ouverture	5
Sezione prima	23
largo sostenuto	23
accelerando precipitato	32
Sezione secunda	44
lievemente tempestoso	44
con affezione poi precipitando	48
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Владислав Русанов

Импровиз. Сердце менестреля

© Русанов В., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Ouverture

Эти бездонные глаза цвета утренней морской волны Ланс алыт Грегор увидел сразу, как только шагнул в зал. Еще не затих голос распорядителя бала, но лица всех до единого гостей его светлости повернулись к нему – величайшему менестрелю, которого только рождала земля. Десятки и сотни взглядов. Любопытные, восхищенные, оценивающие, наполненные завистью... Не было лишь равнодушных.

Ланс любил вызывать всеобщий интерес. Любил внимание, восторженные рукоплескания, шепотки за спиной и даже откровенные сплетни. Ведь он артист, он живет для зрителя и слушателя, а они живут для него, питают его вдохновение. Любовь или ненависть – какая разница? Для артиста смертельно только одно – равнодушие толпы, забвение. Когда тебя перестали замечать, перестали интересоваться, ты умер.

Он покинул карету под проливным дождем. Не заботясь, что тугие струи ливня хлещут в лицо, проследил, как слуги – братья-близнецы Бато и Бето – отстегнули ремни, удерживающие кожаный короб с инструментами, и, кряхтя, поволокли его по парадной лестнице. Конечно же, его здесь ждали. Ждали и волновались – едва ли не половина гостей, собравшихся на бал ко двору герцога Аркайлского, прибыли сюда исключительно, чтобы послушать прославленного менестреля, а он задерживался. Как назло, карета завязла в грязи, и близнецам пришлось потратить немало времени, чтобы вызволить просевшие по ступицу колеса.

Но он все же явился. Ланс всегда держал слово, и это тоже выгодно отличало его от большинства избалованных менестрелей на просторах всех двенадцати держав. В особенности если он дал слово Регнару – своему давнишнему приятелю, придворному магу-музыканту его светлости. Гофмейстер неодобрительно смотрел на лужу, которая натекла с плаща великого менестреля. Ланс ухмыльнулся и сбросил в нее плащ, небрежно потоптавшись по нему, отер желтую глину с сапог, пригладил ладонями волосы и зашагал в главный зал. Близнецы поспешали следом, пыхтя и утирая мокрые лица о плечи.

– Ланс алыт Грегор из Дома Багряной Розы! – провозгласил распорядитель.

Менестрель шагнул через порог, купаясь в восхищении, впитывая всеобщую любовь, скользя по волнам восторга.

Покорные взмаху палочки Регнара, валторны и флейты, басы и гобои, клавикорды и литавры смолкли. В наступившей тишине слышно было, как потрескивают фитили сотен свечей белого воска, зажженных слугами герцога по такому случаю.

Ланс всегда воспринимал слушателей как некую обезличенную толпу. Не из-за непомерной гордости, не из презрения к обделенным магическим даром людям, не от осознания собственного величия. Нет. Просто много лет назад юный музыкант, не вышедший еще из возраста, когда другие мальчишки готовятся стать пажами, до одури боялся упирающихся в него пристальных взглядов. Дрожали поджилки, ледяными пальцами пробирался вдоль хребта озноб, и смолкала скрипка, сбиваясь на жалкий кошачий плач. Тогда строгий и мудрый наставник и посоветовал перестать видеть зал. «Не смотри в глаза, скользи поверх голов. Принимай толпу, как лес, как море, как дождь. Нет деревьев, есть лес, нет капель, есть дождь, нет людей, есть толпа». Мальчишка Ланс попробовал, и ему помогло. С тех пор он поступал так всегда. Есть он, его магия, его музыка, и есть слушатель – многоголовый, многоглазый, многоухий...

Так он намеревался поступить и сегодня. Скользнул расфокусированным взглядом вдоль переднего ряда вельмож, отмечая блеск золотого шитья и огненные блики на гранях драгоценных камней... И вдруг. Эти глаза. Огромные, круглые, обрамленные пушистыми ресницами, удивленно-восторженные. Усилием воли Ланс заставил себя продолжить

давно отработанный ритуал. Развернулся лицом к середине зала, где под свисающими с потолка боевыми знаменами на кресле из красного дерева сидел герцог Аркайлский. Его он тоже не видел – на время выступления его светлость сольется с толпой, ибо исключений не может быть ни для кого, но прекрасно помнил седую бородку клинышком, тяжелые мешки под блеклыми глазами, подагрические кисти в коричневых старческих пятнах, ослабленно лежащие на подлокотниках. Менестрель прижал кулак к сердцу и коротко поклонился, держа ладонь левой руки на эфесе шпаги. Здесь, в бальном зале, только он оставался при оружии. Просто все правители двенадцати держав прекрасно знали о его чудачествах и не рисковали лишиться превосходного развлечения, настаивая на соблюдении законов, обязательных для толпы.

Его светлость наверняка кивнул в ответ, да и могло ли быть иначе? Ланс не видел его, но Бато и Бето зашевелились у ног хозяина, извлекая из кожаного короба две скрипки – приму и секунду, палисандровый ксилофон, свирель, настолько потемневшую от времени, что поговаривали, будто ее касались руки одного из первосвященников, и цистру¹, натертую воском до мягкого блеска. Близнецы ни ухом ни рылом не разбирались в музыке, но за инструментами ухаживали исключительно. И прекрасно готовили выступление.

Вскоре скрипки, свирель и цистра покоились на ажурных резных подставках, а ксилофон занял привычное место у ног менестреля. Толпа затаила дыхание.

Ланс алыт Грегора закрыл глаза, набирая полную грудь воздуха...

И едва не зарычал. Он продолжал видеть голубовато-зеленые очи. И черные ресницы, такие длинные, что, попади сюда по праву гордившаяся своей красотой княгиня Зохра с южного острова Айа-Багаан, она повесилась бы на собственной косе.

Что же это за наваждение?!

Тряхнув головой, он заставил себя сосредоточиться на музыке.

Заминка тянулась не дольше двух ударов сердца. Оставалось надеяться, что слушатели ничего не заметили.

Еще один глубокий вдох. Медленный выдох.

Руки алыт Грегора взметнулись вверх. В отличие от большинства чародеев-музыкантов он не пользовался палочками. Только пальцы. Обнаженная кожа ладоней, как обнаженная душа менестреля.

Короткая пауза, во время которой установилась такая тишина, что упавший на пол волос загрохотал бы, подобно срубленному столетнему дубу...

Ланс прекрасно понимал, кого сейчас видят гости герцога Аркайлского. Невысокий по меркам северян сорокалетний мужчина в потертом дублете из черной кожи. Без золотого шитья, без серебряного позумента, без галуна – всей этой сверкающей мишуры. Только стальные заклепки в три ряда на манжетах. Тронутые сединой темно-русые волосы менестрель убирал в длинный – ниже лопаток – хвост. Коротко подстриженную бороду украшал серебристый клочок под левым уголком рта. На широкой перевязи из воловьей шкуры, которая более приличествовала предводителю наемников, чем прославленному исполнителю, висела старинная шпага. Сейчас таких уже не делали. Ширина клинка – два пальца. Гарда сложная, но невычурная, покрыта благородной зеленью. Деревянные накладки ножен подернуты сетью трещин – холод и жара, проливные дожди и иссушающий зной, морская соль и конский пот. Ланс алыт Грегор расставался со шпагой лишь в постели. Да и то не всегда, поговаривали злые языки.

Пора!

Мощный взмах!

¹ Цистра – старинный струнный щипковый музыкальный инструмент, похожий на современную мандолину. Имеет 5-12 парных струн.

Пальцы менестреля рванули незримые магические нити.

Заплакала скрипка-прима. Повела мелодию. Отставая не более чем на кварту, к ней присоединилась секунда. Застонала ниже и чуть гуще. Им ответила цистра злым коротким перебором. Вступил ксилофон.

Покорные магии Ланса алыт Грегора, величайшего менестреля двенадцати держав, звуки взмывали, клубились под потолком, сталкивались и разделялись, падали на головы слушателей дождем или, если угодно, праздничным конфетти, закатывались по темным углам, откуда не слишком усердные слуги так и не вымели паутину.

Широкое ларго сменялось привольным адажио, которое переходило в размеренное умеренно и, наконец, атаковало огненным аллегро. Трезвучия, семизвучия и девятизвучия. Ноты и паузы. Квинты и октавы, кварты и сексты.

Как всегда, в считанные мгновения Ланс пленил слух собравшейся толпы, заковал в кандалы прихотливой мелодии и повел, подгоняя настойчивыми пиццикато, тремоло, мордентами. Он ощущал власть над людьми, подобно тому крысолову из легенд, очаровавшему детей игрой на дудочке. Прикажи он сейчас гостям герцога, знатным вельможам Аркайла и их семьям, прыгать – запрыгают, как миленькие. Мог заставить смеяться, плакать, петь, танцевать. Взять оружие и свергнуть герцога. Взять оружие и защищать сюзерена до последней капли крови.

Многие менестрели тайком – да и в открытую – завидовали ему, десятки пытались повторить его музыку. Пробирались тайком на выступления алыт Грегора, слушали, напрягая память, делали пометки на обрывках пергамента, упражнялись до одури, воспроизводя последовательность звуков. И все тщетно... Второй раз мелодия Ланса на слушателей не действовала. Да и сам он не повторялся никогда, исполняя музыкальную пьесу всегда один раз – первый, он же последний. Всегда экспромт, всегда импровизация.

Пели, сливая голоса, скрипки. Звенели струны цистры, дробной россыпью цокотал ксилофон. Рыдала, надрываясь, свирель.

Струйки пота стекали меж лопаток менестреля. Пальцы дрожали, ребра вздымались и опадали, словно у каторжника в каменоломнях. Настоящему художнику магия музыки не дается легко. Это ремесленники и подмастерья способны ублажать народ в балаганах и на рыночных площадях, даже не вспотев. Для творцов музыка – тяжкий труд, требующий полной самоотдачи. Ведь известны случаи, когда менестрели умирали, надорвавшись, прямо на выступлении. Ланс им завидовал: они умерли счастливыми.

Наконец менестрель сильным движением кистей – аж хрустнули запястья – вздыбил мелодию, словно горячего скакуна. И оборвал...

В гробовой тишине Ланс алыт Грегор упал на одно колено, всем весом налегая на шпагу, будто на трость. Со стороны выглядело красиво – исполнитель благодарит слушателей за внимание и правителя за оказанную честь. На самом деле он просто не мог держаться на ногах.

Зал еще молчал. Молчал мгновение, другое... А потом взорвался радостными возгласами, писком восторженных женщин, звоном шпор о гранитные плиты.

Ланс не поднимал головы, вцепившись в оплетенную кожаным ремешком рукоять, как утопающий в брошенную ему веревку. Так уж повелось, старинный клинок впитывал восхищение толпы, возвращая владельцу жизненную силу и истраченную магию. Еще немного, и он сможет стоять на ногах, шутить, танцевать, обмениваться колкостями и принимать благодарности.

Дворяне Аркайла безумствовали. Их ликование не знало границ, разливаясь широким, бурным потоком. Ланс купался в нем, подобно лососю, поднимающемуся на нерест в верховья реки.

Но рано или поздно люди уставали славить менестреля, сколь великолепно бы он ни играл. Так было сто и двести лет назад, так будет через триста лет.

Альт Грегор выпрямился. Еще раз поклонился герцогу, теперь уже внимательно рассматривая правителя. Глаза старика блестели – добрый знак. Выступление удалось на славу, если музыка смогла растрогать дряхлого с виду, но крепкого, как стальной шкворень, прана Лазаля Аркайлского из Дома Черного Единорога.

Его светлость едва заметно шевельнул пальцем.

Командир дворцовой стражи в парадной сюркотте с серебряным шитьем поверх вороненой кольчуги приблизился к менестрелю, протягивая на ладони увесистый замшевый мешочек. Шепнул, чтобы не расслышали остальные:

– Сотня «лошадок». С тебя причитается.

Ланс едва заметно кивнул. С праном Коэлом альт Террилом из Дома Радужной Рыбы их связывала дружба не менее давняя и крепкая, чем с придворным магом-музыкантом Регнаром. И крыть нечем. «Лошадками» в Аркайле называли золотые монеты в отличие от серебряных «башенок». На первых чеканили родовой герб его светлости, а на вторых – дозорную башню, издревле возвышавшуюся на утесе у причала. Сумма огромная. Вдвоем пропивать – несколько лет. Почему же не проставиться? Завтра, когда разъедутся гости, можно завалиться в самую дорогую таверну. И Регнара не забыть, а то обидится...

Тем временем распорядитель бала громогласно объявил первую часть большого балета. Толпа заволновалась. Вельможи постарше потянулись к стенам, молодежь выстраивалась длинной двойной линией посреди зала.

– Участвуешь? – усмехнулся в густые усы пран Коэл.

– Спрашиваешь... – приосанился Ланс, одернул дублет.

– Ну, удачи.

Они оба знали, что менестрель никогда не отказывал себе в удовольствии потанцевать с цветом общества. И не было случая, чтобы он не вскружил голову какой-нибудь красотке, явившейся ко двору с рохлей-мужем из глухого угла герцогства. И хорошо, что альт Грегор не бывал на родине уже больше четырех лет. Пересуды о его последнем приключении наверняка утихли.

Командир стражи вернулся на свое место у трона герцога, а Ланс поспешил занять место в ряду танцоров.

Регнар взмахнул палочкой.

Плавно загудели валторны. Размеренными ударами задали ритм литавры.

Стоящие попарно мужчины и женщины шагнули друг навстречу другу.

Ланс протянул ладонь и взялся за кончики пальцев пухленькой дворянки с такой старомодной копной на голове, что без всяких пояснений делалось ясно – это и есть тот самый глухой угол. Смазливая мордашка раздумянулась так, что почти не видно веснушек. Еще вчера менестрель, не задумываясь, сразил бы ее цветистым комплиментом, а в перерыве между частями балета увлек бы подышать воздухом на крытую галерею. Но сейчас он лишь улыбнулся немножко грустно и устало, отвесил изысканный поклон и повел.

Раз. Два. Три. Поворот.

Раз. Два. Три. Поклон.

Смена партнеров.

Теперь на Ланса глядели синие, как сапфиры, очи. Белоснежная кожа, высокий лоб. Волосы цвета воронова крыла разделены на две косы и уложены в сложные башни. Два-три выбившихся локона – вовсе не небрежность парикмахера, а свидетельство его мастерства.

Баронесса Кларина. Умна, расчетлива, жестока. Фаворитка герцога Лазаля, а поскольку старый конь хоть борозды и не портит, но глубоко не пашет, то заодно любовница наследника – сорокапятилетнего прана Гворра Аркайлского.

Раз. Два. Три. Поворот.

– Вы сегодня превзошли самого себя, – шепнула баронесса, когда во время очередной фигуры танца их лица едва не соприкоснулись.

– Счастлив радовать вашу милость, – поклонился алыт Грегор, улыбаясь холодно, как зимний лес.

Интрижка с фавориткой его светлости в планы Ланса не входила. Зачем искать себе врагов среди сильных мира сего?

Раз. Два. Три. Поклон.

Снова смена партнеров.

Ланс натянул на лицо привычную учтивую полуулыбку, поднял взгляд и едва не задохнулся. Сбил с ноги, как если бы окатанный морем до зеркального блеска гранитный голыш попал под его подошву. Не миновать позора, но алыт Грегор был не только повесой, танцором и магом-музыкантом, но и фехтовальщиком, каких поискать. Это в бальной зале оступиться значит вызвать насмешки и едкие шуточки. Во время поединка споткнувшегося ждет смерть.

Лансу удалось превратить неловкий шаг в дополнение изысканного поклона.

На него смотрели два глубоких аквамарина.

Бездонные, как море между Браккарскими островами. Чистые и светлые, как родники в горах Карроса. Сверкающие, как блики восходящего солнца на глади бухты Аркайла.

Долгие мгновения менестрель видел только эти глаза, не отпускавшие его во время выступления, и лишь потом заметил высокие темные брови, скулы, будто очерченные резцом умелого скульптора, полные губы, локоны того оттенка и блеска, который имеют спелые плоды каштана, выскочившие из зеленой колючей кожуры.

Осторожно, как берут бабочку, опасаясь стереть пыльцу с прозрачных крыльев, он взял в ладонь тонкие пальцы.

Хотелось что-нибудь сказать, но впервые за много лет слова застряли у Ланса алыт Грегора в горле. Как у шестнадцатилетнего юнца, повстречавшего первую в своей жизни любовь. Он мог лишь улыбаться, стараясь хотя бы не выглядеть глупо, и заученными движениями переставлял ноги.

Раз. Два. Три. Поворот.

Девушка скользила по мраморным плитам легко, будто не касаясь их. Так водомерка мчит взад-вперед по глади пруда и не проваливается. Ее лицо не покидало настороженно-испуганное выражение, и только в начале второй фигуры танца почти незаметная улыбка тронула губы в ответ на предупредительный и исполненный почтения взгляд менестреля.

Раз. Два. Три. Поклон.

Смена партнеров?

В этот миг Ланс осознал, что даже не спросил у обладательницы аквамариновых глаз имя, из какого она Дома...

Плавным, но неуловимо-быстрым движением он шагнул в сторону, оказавшись на месте долговязого юнца в смешном, коротком, будто с обрезанными полами пелисе и высоких сапогах с золочеными пряжками. Обиженный сдавленно крикнул, но Лансу было наплевать – ведь перед ним снова плыли очи цвета морской волны в летнее утро, а в его ладони дрожали нежные пальчики.

Раз. Два...

Каштановый локон не коснулся щеки алыт Грегора, тонкий, едва уловимый аромат аркайлского ландыша ворвался в ноздри, опьяняя сильнее золота, сильнее власти, даже сильнее музыки.

– Кто вы, прекрасное дитя? – успел шепнуть он в розовое от смущения ушко.

Три. Поворот.

– Реналла из Дома Желтой Луны...

– Вам кто-нибудь говорил, сколь вы восхитительны?

Девушка потупилась и залилась румянцем.

Раз. Два. Три...

Сильная рука, вцепившаяся в плечо Ланса, развернула его, протащив по мраморному полу несколько шагов.

– Каналья!

Тяжелая ладонь наотмашь хлестнула по левой щеке. И тут же по правой, тыльной стороной. Острой болью вспыхнула рассеченная перстнем губа, перед глазами поплыл багровый туман, сквозь который проступила вытянутая физиономия с редкой юношеской бородкой и сведенными к переносице бровями. Надо лбом, главным украшением которого служил багровый прыщ с белой головкой, топорщились напоминающие солому волосы.

Пальцы Ланса сомкнулись на рукояти шпаги. Окружающие лица расплылись, сливаясь в цветастое кольцо, превращаясь в толпу. И только одно выделялось четко и резко, как символ веры, высеченный на алтаре. Лицо юноши в нездешнем пелесе и сапогах с голенищами-раструбами. «Кажется, мода Браккары», – мелькнула отстраненная мысль.

Глубоко вдохнув, менестрель медленно выдохнул.

У плеча его обидчика возникло напряженное лицо Коэла. Командир стражи решительно взял юношу за локоть, но тот стряхнул его руку.

– Похоже, у прана возникли кое-какие претензии ко мне? – отдельно произнес Ланс. Слизнул кончиком языка кровь с рассеченной губы.

– Будь ты проклят, скользкий трепанг! – Юнец с рыком шагнул вперед, но его сжали с двух сторон Коэл и сидящий воин в васильковом камзоле с вышитым на груди дельфином – по виду тоже уроженец Браккарских островов. – Я растопчу тебя, как склизкую медузу!

Только сейчас Ланс заметил, что музыка смолкла. Должно быть, Регнар тоже спешит, чтобы принять участие в недоразумении. Этого только не хватало.

– Не слишком ли обязывающее заявление? – прищурился менестрель. – В особенности для малька, еще вчера бывшего икринкой? – Альт Грегор понимал, что делает глупость, но остановиться уже не мог. Он и раньше не слишком-то любил островитян...

– Песчаная акула! Каналья! – Парень рванулся так, что едва не выскользнул из рук схвативших его людей. – Шут! Музыкантишко!

Краем глаза Ланс заметил приблизившегося прана Гворра Аркайлского. Лимонно-желтый дублет с вышитым черным единорогом, на поясе посеребренный охотничий рожок, с которым наследник герцогской короны не расставался никогда. Рядом с ним стояли, с интересом наблюдая за перепалкой, Кларина и ее супруг, барон из Дома Сапфирного Солнца, чье имя менестрель никогда не пытался запомнить.

Он кривовато улыбнулся – кровоточившая губа стремительно вспухала – и вытащил из-за пояса перчатку, все еще мокрую, измазанную в желтой глине местных дорог.

Регнар схватил его за рукав, что-то торопливо зашептал в ухо, но было поздно. Смятая в комок перчатка прицельно ударила задиру-островитянина в лицо, отскочила, оставив грязный след на жидких усах, и шлепнулась на пол.

– Выбор оружия за вами, мой юный пран, – дурашливо поклонился альт Грегор. – Только не предлагайте мне бодаться, хоть я и вижу, что вы отращиваете рог, подобно вашим друзьям-нарвалам.

На миг ему показалось, что соломенноволоосый кинется на него с кулаками. Но островитянин, покрасневший до кончиков ушей то ли от ярости, то ли от стыда, прошипел:

– Шпага. Хоть и недостойно мне измарать оружие в твоей рыбьей крови...

– У вас была возможность выбрать поединок на сковородках, – сухо поклонился Ланс. – Время, место и прочие ничего не значащие мелочи, думаю, обсудят секунданты. Пран алыт Террил, вы окажете мне честь?

Командир стражи оглянулся на его светлость Гворра. Тот помедлил и кивнул.

– Назначьте своего секунданта, пран Ак-Карр, – проговорил приятель Ланса.

– Капитан Дар-Тан тер Везил из Дома Серебряного Дельфина, – ответил юноша.

– Вот и чудесно, – кивнул алыт Грегор, обвел глазами зевак. Поклонился сыну герцога. – Прошу простить, что испортил праздник. – Развернулся на каблуках и зашагал прочь из зала.

В спину летел ворчливый шепоток. Гул и бормотание толпы напомнили менестрелю, как маги, управляющие оркестрами, порой настраивают инструменты. Больше всего ему хотелось обернуться и отыскать в людской мешанине аквамариновые глаза. Но он не мог себе этого позволить: Ак-Карр мог расценить его поступок как слабость. Еще подумает, что алыт Грегор, величайший менестрель двенадцати держав и фехтовальщик, каких поискать, его боится. Кстати, «Ак» указывает на весьма знатное происхождение. Как бы не принадлежность к королевской семье...

– Идем ко мне. Быстро! – Регнар догнал друга у первой ступеньки широкой лестницы.

Ланс пожал плечами, кивнул.

– У тебя кувшинчик вина найдется? Горло промочить хочется, – сказал он и, словно оправдываясь, добавил: – У меня такая жажда после выступления всегда.

– Обойдешься! – рявкнул Регнар, решительно хватая Ланса за рукав. – Быстро ко мне, я сказал!

У менестреля глаза на лоб полезли, настолько мягкий и добродушный Регнар стал непохожим на самого себя. Даже округлое лицо, казалось, посуровело, обострились скулы и нос, как в мгновения опасности. Недоумевая в душе, Ланс поплелся за другом, безмолвно перешагивая с одной ступеньки на другую. И лишь когда Регнар втолкнул его в свою комнату, плотно притворив двери, дар речи вернулся к нему.

– Что за болотный демон в тебя вселился? – пробормотал он, одергивая дублет. – Что случилось?

– Это не в меня, это в тебя вселился болотный демон! – воскликнул Регнар, всплеснув пухлыми ладошками. – Или даже горный дух-убийца! Ты хоть понимаешь, что натворил?

– Что я натворил? – Ланс задумчиво почесал бородку. Увидел кувшин с кубком, плеснул на три плотка, отпил и чуть не выплюнул. – Вода?! Что за гадость ты пьешь?

– И тебе советую. Пока последние мозги не пропил. – Придворный маг указал менестрелю на низкий карл, обитый бархатом. Сам садиться не стал. Зашагал из угла в угол. – Ты хоть понимаешь, с кем связался?

– Со щенком, хлыщом и наглецом, – отдельно ответил Ланс. Подумал и налил еще воды. – А что ты так бегаешь? Ну, приткну я его...

– Это – сын посланника Браккарских островов! – Регнар остановился, оперся ладонями о стол.

– Ну и что?

– Вот и видно, что тебя сто лет не было в Аркайле. Мы теперь дружим с браккарцами.

– Против кого?

– Какая разница?!

– Да просто хочу разобраться в хитросплетениях интриг герцога Лазалья.

– Ты бы не о политике его светлости думал, а о том, как выйти сухим из воды!

– Да не кипятись ты. Пран Гворр присутствовал при ссоре и ничего не возразил.

– Пран Гворр не одобряет замысел отца. Он считает, что нам следует дружить с Трагерой. И с Кевиналом. Но все дело в безумном короле Унсалы...

– Бывал я в Унсале. Ничего безумного в его величестве Ронжаре я не увидел.

– Скажи еще Лазалю это! Они с позапрошлого лета как кошка с собакой. Вначале торговыми пошлинами друг друга давили, но, чуе́т мое сердце, скоро и до открытой войны дойдет.

– И вот тогда победоносный флот Браккары блокирует их порты. Так?

– Ну, так предполагалось. Хотя теперь, чуе́т мое сердце...

– Или задница?

– Может, и задница. Знал бы ты, как погрызлись наш герцог и его наследник! Я думал, вот сейчас гражданскую войну устроят. Но Гворр стерпел, покорился отцу. Теперь я понимаю, что для вида. А с какой довольной рожей он смотрел, как ты свару с этим сопляком затеял!

– Ну, во-первых, не я с ним, а он со мной. Или я должен был терпеть и улыбаться, когда меня пощечинами охаживают?

– Ох, да я и тебя тоже понимаю, – шумно выдохнул маг-музыкант. Уселся, упер локти в колени, а подбородок уложил на кулаках. – Гордость, честь и все такое...

– Для меня честь не пустой звук!

– Верю. Только нам сейчас нужно думать, как тебя сухим из воды вывести.

– Из Браккарских проливов? – неудачно пошутил алыт Грегор.

– Из твоих собственных! – отрезал Регнар. – Слушай, Ланс. Я же сто лет тебя знаю. Что ты устроил во время балета? Толкаться начал... Не понимаю.

– Да понимаешь... – Начал менестрель и замолчал, не зная, как продолжить.

– Я пойму. Излагай.

– Ты эту девушку видел, Регнар?

– Какую еще девушку?

– С которой я танцевал. Глаза у нее... Ты когда-нибудь смотрел на солнце из-под воды?

– Ну, может быть, в детстве... А при чем тут какие-то глаза?

– Не какие-то, а ее глаза! – Ланс вдруг понял, что рычит, сжимая кулаки. Тряхнул головой, расслабился. – Прости. Если бы ты видел ее глаза... Пстой, Регнар! Ты же придворный маг, а она тоже из местных – не провинциалка какая-то, это сразу видно. Вы не могли не встречаться.

– Да мало ли в Аркайле девушек? За всеми не уследить.

– Она не такая, как все. – Ланс опустил веки, вновь вспоминая глаза-аквамарины, каштановые локоны, губы, созданные для улыбки. – Она чудесная.

Приятель долго молчал, а потом стукнул себя кулаком по колену.

– Да ты никак влюбился на старости лет!

– Что? Я? Влюбился? – Менестрель расправил плечи и вдруг сник, принимая правду, которой раньше старался не замечать. – Ну да. Влюбился. С первого взгляда, как мальчишка.

– Это же надо! Ланс алыт Грегор, гроза всех юбок от Карроса до Айа-Багаана, влюбился. Ты меня поразил, Ланс.

– Вот только смеяться не нужно, – устало вздохнул менестрель. – Иначе я не посмотрю, друг ты мне или не друг.

– Уж конечно, – сварливо откликнулся Регнар. – Давай и меня на дуэль вызови. А кто будет твою шкуру спасать?

– Зачем меня спасать?

– Затем. Предположим, заколешь ты мальчишку...

– Само собой, заколю. А ты что, сомневаешься?

– В твоем умении фехтовать? Нисколько. А вот в умении головой думать начал сомневаться. Его светлость не простит тебе ссоры с Браккарским королевством.

– Лазаль любит мою музыку.

– Он прекрасно обходился без нее четыре года. Обойдется еще столько же, хотя может помереть гораздо раньше. Тебя схватят, кинут в темницу. А потом или голову отрубят, учитывая, что ты последняя ветвь благородного Дома Багряной Розы, или выдадут браккарцам. И скорее всего выдадут. Не берусь утверждать точно, но этот Ак-Карр то ли племянник, то ли кузен нынешнего короля. А мне бы не хотелось, чтобы мой друг попал в лапы браккарским пиратам.

– Спасибо, – искренне кивнул менестрель, передернувшись. – Только если я не убью его, он убьет меня. Конечно, умирать на родине приятней, чем в садке с миногами у короля Браккары, а конец все равно один.

– Ну, зачем же убивать? – неуверенно пробормотал Регнар. – Можно ранить...

– А можно просто хворостиной отстегать. Чем не выход? Подержишь посланникова отпрыска?

– Тебе бы все шутить! – возмутился маг, и в этот миг дверь отворилась без какого бы там ни было предварительного стука.

– Так и знал, что вы здесь, – сказал хмурый Коэл, перешагивая порог.

– Когда деремса? – вскинул подбородок алыт Грегор.

– Эх, Ланс. – Командир стражи прошагал к столу, налил кубок и с наслаждением, держа кадыком, опрокинул его в себя. – Иногда я жалею, что мы с тобой друзья, пойми меня правильно. Арестовывать друзей очень и очень неприятно.

– А что, уже пора арестовывать? – прищурился менестрель.

– Пока нет. Но завтра утром придется. Дуэль назначена на первую стражу, сразу после рассвета. Оружие, как и договаривались, шпага. Правда, этот капитан настаивал на шпагах и дагах. Не иначе головой об палубу во время шторма приложился...

– Ты видишь? – Ланс повернулся к Регнару. – И что, я теперь должен прощения просить?

– Было бы неплохо, – зло бросил Коэл. – Ведь ты толкнул его первым. Оскорбление особы королевской крови. Только я почему-то уверен, что ты просить не будешь. А значит, завтра утром мне придется тебя арестовать.

– Ты что?

– Что слышал. Распоряжение от прана Гворра я уже получил. Чем ты его разозлил? Опять Кларине глазки строил?

– Что за чушь! Ты же меня знаешь.

– То-то и оно, что знаю. Мальчишка настаивает на схватке на смерть и, похоже, вполне уверен в своих силах.

– Ах, щенок! – Ланс вскочил.

– Сядь. Дуэль, я сказал, завтра утром.

– Неужели нельзя ничего придумать? – подал голос Регнар.

– Может, уговоришь этого удальца подставить грудь под шпагу? – повернулся к нему алыт Террил.

– А если предложить им до первой крови?

– Чтобы они подумали, будто я испугался? – выкатил глаза менестрель.

– Ну, видишь... – развел руками Коэл.

В двери тихонько, но решительно постучали.

– Да! – возвысил голос Регнар. – Входите.

Через порог, сильно хромая, шагнул седой браккарец. Рост, вытянутое лицо, продубленное морским ветром с солнцем, не оставляли сомнений – пожаловал сам посланник. Он окинул друзей оценивающим взглядом. Произнес:

– Коэл алыт Террил, Регнар алыт Варда и Ланс алыт Грегор. Теплая компания. О чем беседуем, почтенные праны?

Опережая готового сказать колкость или даже грубость менестреля, ответил Регнар:

– Ищем выход из безвыходного положения, пран Ак-Нарт.

– И как, успешно?

– Пока что безуспешно.

– Прискорбно. Но я пришел сюда, чтобы сделать вам маленькое предложение. В особенности вам, пран Ланс, примите, кстати, мои благодарности за прекрасное выступление.

– Предложение, от которого нельзя отказаться?

– Почему? – пожал плечами браккарец. – Отказаться можно всегда и от чего угодно. Вопрос в том, нужно ли? Ведь всегда можно прийти к соглашению о взаимной выгоде.

Альт Террил скривился, словно вонзил зубы в неспелый лимон.

Регнар открыл было рот, но Ланс опередил всех:

– Я краем уха слышал, что на островах живут воины, а не торговцы.

– Плох тот моряк, – и бровью не повел посланник, – который не научился совмещать торговлю с войной. Так вы готовы меня выслушать или будем обмениваться колкостями?

– Прошу присаживаться, – наконец взял разговор в свои руки придворный маг.

Ак-Нарт примостился на край карла. Регнар и Коэл усадились на кровать. Альт Грегор остался стоять, подпирая плечом стену и преувеличенно пристально разглядывая гобелен с изображением соколиной охоты. В его душе кипела такая ярость, что он сам себя побаивался.

– Итак, пран Ланс, прославленный фехтовальщик и великий менестрель, вызвал на поединок моего сына, – рассудительно произнес островитянин. – Конечно, мой мальчик тоже недурно владеет шпагой и за исход боя с ровесником я бы не переживал. Но, как говорится, опыт не пропьешь. Пран Ланс из Дома Багряной Розы – соперник очень и очень серьезный. Думаю, не удивлю вас, если скажу, что искренне люблю своего сына. И возлагаю на него большие надежды. Я вовсе не желаю потерять его из-за дурацкой ссоры на балу. Кстати, я не оправдываю горячности Ак-Карра и намерен должным образом наказать его. Но для этого он должен остаться живым.

– А для этого я должен подставиться под его удар? – хрипло спросил Ланс.

– Вы под его или он под ваш, мне без разницы. Главное, что вы оба останетесь живы.

– Каким образом?

– Речь идет о дуэли до первой крови? – осторожно вставил Регнар.

– Капитан тер Везил... – начал Коэл.

– Тер Везила оставьте мне, – небрежно отмахнулся посланник. – Сейчас он поет под дудку Ак-Карра, но мне не составит труда напомнить капитану, кто платит ему жалованье. На вашу честь, пран Ланс, не падет тень – драться вы будете в полную силу. Только не до смерти, а до первой крови. Ну, как вам мое предложение?

– Заманчиво, – кивнул Коэл.

– Заманчиво?! – взорвался альт Грегор, шагая на середину комнаты. – А меня вы спросили? Почему вы обсуждаете вопросы моей дворянской чести, будто я лежу, разбитый параличом? Кто из нас получил по зубам, как провинившийся поваренок? Ты, Коэл? Ты, Регнар? – Ланс потрогал распухшую губу, на кончике пальца остался розоватый мазок. – Меня оскорбили на глазах всего двора Аркайла!

– А вернее, на глазах праны Реналлы из Дома Желтой Луны, не так ли? – невозмутимо проговорил Ак-Нарт, забрасывая ногу за ногу.

– А если и так, какое вам дело? – взорвался Ланс. – Почему вы все здесь учите меня жизни? Распоряжаетесь моей судьбой? Я что, мальчишка, птенец, вчера вылетевший из родительского гнезда? Или я нищий, или не нашел себя в жизни? Я вполне могу распоряжаться собственной судьбой!

– Успокойся, – поднял ладонь Регнар. – Прошу тебя.

– Не хочу успокаиваться! Я хочу получить удовлетворение за разбитую губу, за унижение...

– А потом пойти на эшафот? – глухо заметил командир стражи.

– Я приговорен в трех державах из двенадцати. Кого ты пугаешь?

– Вас никто не пугает, пран Ланс, – покачал головой посланник. – Мы предлагаем разумный компромисс. Честную сделку.

– Честная сделка с браккарцем! – Альт Грегор зло расхохотался.

Ак-Нарт скрипнул зубами, но смолчал.

– Но ведь дуэль до первой крови – хороший выход, Ланс, – снова вмешался маг. – Почему бы тебе...

– Нет! – отрезал он. – Я не желаю унижаться. Чтобы потом во всех двенадцати державах говорили – последний из Дома Багряной Розы струсил?

– Я могу сделать так, что предложение будет исходить от моего сына, – поднялся на ноги браккарец.

– Нет! – Ланс скрестил руки на груди и набычился.

– Послушайте, – голосом холодным, как сталь клинка, произнес посланник. – Я ведь могу и не допустить этой дуэли. Вообще.

– Пран Ак-Нарт, можно вас на два слова без свидетелей? – кивнул на двери Коэл.

– К вашим услугам.

Бросив последний взгляд на менестреля, островитянин развернулся, зашагал прочь. Командир стражи, качая головой, последовал за ним.

– Вот мне всегда было интересно, – с горечью пробормотал Регнар, – откуда у человека искусства такая твердолобость? – Ланс молча смотрел на него, и придворный маг, не дождавшись ответа, продолжал: – Мы тут бьемся, чтобы не потерять друга, а он завел – нет, не хочу, не могу...

– Ты будешь называть другом дворянина, потерявшего честь? – только и спросил Ланс. Регнар вздохнул, махнул рукой.

– Оставайся здесь. Я пришлю вина и чего-нибудь перекусить. Только не напивайся перед дуэлью, хорошо? И зря ты упоминал нарвала, когда дразнил того мальчишку. Они оба, отец и сын, из Дома Жемчужного Нарвала...

Он вышел, притворив за собой дверь.

Альт Грегор замахнулся, собираясь от всего сердца садануть по стене кулаком, но вовремя вспомнил, что держать шпагу с разбитыми костяшками будет несподручно. Пнул карл, который перевернулся и отлетел в угол. Отхлебнул воды прямо из кувшина, заливая дублет. Снова уставился на гобелен. Но видел перед собой только глаза-аквамарины, каштановый локон, губы, созданные, чтобы улыбаться.

Имеет ли он право претендовать на ее любовь? Ведь сколько ей может быть лет? Семнадцать? Восемнадцать? Он годится ей в отцы. Конечно, для мужчины его возраста, его положения в обществе не составит труда вскружить голову девчонке. А дальше? Воспользоваться неопытностью и юностью он просто не сможет. Любовь – это не легкая интрижка. Кто истинно любит, не берет, а отдает. Если понадобится, жизнь...

А может быть, это выход? Неважно, каким образом – умереть от удара шпаги, направляемой рукой Ак-Карра из Дома Жемчужного Нарвала, на плахе в здешнем замке, в пыточном подземелье короля Браккары. Он уйдет... Ланс альт Грегор больше не будет бродить по землям двенадцати держав, поскольку скитаться, осознавая, что где-то далеко, в Аркайле живет девушка с глазами цвета прохладной морской волны, живет, даже не вспоминая о нем, он не сумеет. Пусть она найдет свое счастье. Молодой супруг из богатого и именитого Дома, куча детишек, тихая и размеренная жизнь... И если когда и вспомнит этот бал в осеннюю

непогоду, седоватого менестреля, глупый скандал, то лишь с улыбкой. Пусть улыбается, ей идет улыбаться. Пусть забудет его.

В дверь даже не постучали, а, похоже, поскреблись.

Наверное, принесли обещанный Регнаром поздний ужин и вино.

– Да.

Тишина.

Странно, но прислуга в замке свое место знала. Хороший гофмейстер сейчас у прана Лазалья. Как его, кстати, зовут, из какого Дома?

– Открыто, – не оборачиваясь, бросил Ланс. – Заноси.

Дверь скрипнула. И снова тишина.

Да что же это такое? Слугам требуется особое приглашение?

Начиная закипать, алыт Грегор оглянулся через плечо.

У дверного косяка стояла она. Испуганная, бледная, тонкая, как молодая ива, и невыразимо прекрасная.

– Рена... – прошептал менестрель.

Она не ответила, только моргнула. Пушистые ресницы упали и взлетели, подобно крыльям ночного мотылька.

Ланс и сам не заметил, как оказался у ее ног, на коленях, прижимая нежные пальцы к губам, а потом к щеке. Время замерло. Он не думал ни о чем, ощущая лишь стук крови в висках, запах аркайлского ландыша и неземное блаженство.

Вечность прошла или кануло несколько мгновений, менестрель не понял. Вдруг что-то горячее капнуло ему на висок. Ланс поднял глаза. Реналла из Дома Желтой Луны стояла вытянувшись в струнку, не шевелясь и, как казалось со стороны, не дышала. Только дорожки слез блестели на щеках. Ему безумно захотелось высушить их губами, потом прижаться к ее алому рту, высказать все обуревавшие его чувства, предложить бежать куда-нибудь прямо сейчас. Куда глаза глядят, на край света, за Карросские горы, на остров Айа-Багаан... А вот и нельзя. Княгиня Зохра обещала украсить его головой самую высокую башню своего замка. И ледяные пустоши за горами вовсе не то место, куда следует тащить за собой этот едва распустившийся цветок. Тем более бежать, наплевав на дворянскую честь. Ни один мужчина из Дома Багряной Розы не бегал от опасности. Может, потому-то и остался он один, последний?

– Не нужно плакать, Реналла, – прошептал он. – Вы разрываете мне сердце на куски.

Она кивнула, но слезы продолжали сбегать ручейками, сверкающими бриллиантами задерживаясь на удивительно длинных ресницах.

– Не бойтесь, – продолжал Ланс. – И ни о чем не сожалеете. Мужчинам иногда приходится позвенеть сталью, пустить друг другу кровь. Без этого они перестают чувствовать себя мужчинами. Даже такие старые развалюхи, как я.

Полные губы чуть шевельнулись.

– Вы совсем не старый, пран Ланс, – скорее догадался, чем услышал он.

– Нет, дитя мое. Я стар. Стар и изношен, как смычок деревенского фигляра. Но я благодарю судьбу за нашу случайную встречу, за тот миг счастья, которое я ощущаю, когда вижу вас. Благодарю Вседержителя, даровавшего мне эту удачу в конце жизненного пути. Вы – чудо, вы – звезда, которая будет направлять меня весь отведенный мне остаток дней, как ведет морехода сияющая Северная Королева.

– Не надо...

– Что не надо, звезда моя? Впрочем, вы правы, не стоит. Жалких слов недостаточно, чтобы описать безумство чувств, завладевших моей душой. Возможно, магии музыки удалось бы преуспеть там, где бессильна человеческая речь, но время за полночь и замок

спит... – Альт Грегор виновато развел руками. Вернее, одной рукой, поскольку не мог позволить себе выпустить хотя бы на миг ее пальцы.

– Все говорят, что вас убьют, – промолвила девушка, взмахнув ресницами.

– Пустая болтовня, досужие сплетни, – усмехнулся как можно убедительнее менестрель. – Я же говорил вам, мужчинам иногда свойственно совершать глупости. Но самая большая из них не стоит и самой малой вашей слезинки, прана Реналла.

– Они говорят, что убьют вас все равно, победите вы или нет.

– И что с того? Если мне суждено умереть, то я умру счастливым. Я видел неземные глаза, я стоял рядом с небесной красотой... Я счастливее всех мужчин двенадцати держав, вместе взятых.

– Я не хочу, чтобы вы умирали, пран Ланс.

Он задохнулся от одной только призрачной надежды на взаимность, но зарычал внутренним голосом на самого себя: «Помни, кто она, а кто ты, старая рухлядь».

– Я не умру. Я выходил сухим из воды и не из таких приключений. Прошу вас, не плачьте. Ваши губы созданы для улыбки. Улыбнитесь, прошу вас. Давайте весело встречать насмешки судьбы. Не велика ли для нее честь повергнуть в грусть прекраснейшую девушку двенадцати держав? – Альт Грегор склонил голову и прижался губами к тонким, подрагивающим пальчикам, мечтая только о том, чтобы время вновь замедлило бег, а то и вовсе остановилось, как течение северных рек, скованных зимней стужей.

– Прошу вас, пран Ланс, не умирайте, – прошептала она. – Оставайтесь жить. Ваша музыка... Нельзя лишать мир такого волшебства.

– Только музыка? – горько вздохнул он.

– Не только... – Девушка отвела взгляд. – Вы... Пообещайте мне, что вы не умрете.

– Но... – Он хотел сказать: «Как же честь?» – но оборвал себя на полуслове. Какая, к болотным демонам, честь? Разве может она идти в сравнение с возможностью хотя бы еще раз в жизни увидеть эти глаза – смарагд, отразивший сияние небес, прибой, накатывающийся на прибрежные скалы, сверкающий блеск на сколе благородного берилла? – Реналла, звезда моя, все, что вы пожелаете. Прикажете умереть – я умру, прикажете жить – я буду жить. Прикажете...

– Живите. Я не приказываю, я прошу вас, умоляю... – Девушка сделала попытку упасть на колени, но Ланс, вскочив, удержал ее, обхватив тонкую талию. Не сдержавшись, легонько тронул губами черную бровь и вновь замер, всерьез опасаясь сойти с ума от счастья.

– Реналла... Я буду жить. Клянусь тремя десятками поколений моего Дома, клянусь бессмертной душой и вечным посмертием. Не слышать мне больше музыки, если я нарушу свою клятву.

– Не надо... Я... Живите, пран Ланс. – Девушка вывернулась из его объятий, ослепив напоследок улыбкой и ямочками в уголках рта.

– Увидимся ли мы еще, Реналла?

Она молчала, пятясь к двери.

– В любом случае я благодарю судьбу, что свела меня с вами, – негромко проговорил Ланс, вспоминая все свои сомнения, все доводы рассудка, но kloкочущее чувство заглушило их все без остатка.

Менестрель опустил на левое колено, прижав кулак к сердцу, и стоял, пока не скрипнула дверь и легкий шорох шагов не стих в темном коридоре дворца герцога Лазалья.

Он упал на постель Регнара, не снимая сапог, и лежал так, наполовину бодрствуя, наполовину погрузившись в несбыточные мечты, пока не пришел Коэл.

– Упаси нас Вседержитель иметь в друзьях безумцев, – пробормотал командир стражи. И добавил чуть громче: – Браккарцы согласны на бой до первой крови.

– Пускай, – ответил Ланс. – Плевать... – отвернулся к стене и заснул как убитый.

Пробуждение было стремительным и мгновенным. Для бойца, пережившего больше полусотни дуэлей, впрочем, неудивительно.

Осунувшийся Регнар с мешками под глазами налил в кубок и протянул Лансу сосуд. Менестрель пригубил.

– Вино?

– Красное, сухое. Чтобы руки не тряслись, старый ты дурак.

– Может, и дурак, но совсем не старый, – ответил Ланс, вскакивая и делая несколько взмахов руками для разминки. – Только шпага? Или шпага и дага?

– Шпага. Давай шевелись.

Роща за герцогским замком плакала с каждого листочка. Прошедший ночью ливень пропитал землю, пропитал гравий дорожек, смочил кору деревьев и рыдал, опадая последними каплями с каждого листка.

Капитан Дар-Тан тер Везил из Дома Серебряного Дельфина отделился от смутно различимой кучки людей на дальнем конце утоптанной площадки.

– Итак, мы желаем подтвердить условия поединка. Бой до первой крови. Дуэлянты используют только шпаги.

– Истинно так, – ответил Коэл.

– Об извинениях, как я понял, не может быть и речи.

– Не сегодня.

– Тогда я приглашаю соперников.

– Мы готовы.

Широкие ладони Регнара сжали плечи Ланса.

– Давай, дружище. Мы молимся за тебя.

Менестрель отстегнул перевязь, отдал шпагу Коэлу, сбросил дублет. Тонкое полотно рубашки тут же пропиталось сыростью и прилипло к телу. Ланс натянул черные перчатки, тщательно расправил складки, сжал и разжал кулак. Бой – это не музыка. Глупо погибать, если рукоять вывернется из вспотевшей или смоченной кровью ладони.

Его противник тоже скинул короткий плащ-епанчу, оставшись в долгополой рубахе навыпуск, скрывавшей очертания фигуры.

– Он думает, так труднее попасть? – усмехнулся Коэл.

– Я проткну ему правое плечо, – заявил Ланс, закатывая рукава. – Очень долго шпагу держать не сможет.

– А по-моему, достаточно уколоть предплечье... – начал было Регнар, но под сердитыми взглядами друзей захлопнул рот, аж зубы щелкнули. Последний раз он держал в руках заточенную шпагу лет двадцать пять назад и чуть не выколол себе глаз.

– Как знаешь. Можешь и в плечо целить. Только постарайся не затягивать. Здесь не бальный зал, развлекать некого.

Ланс принял у Коэла оружие, взмахнул несколько раз, рассекая клинком воздух.

– Сходитесь! – провозгласил капитан из Дома Серебряного Дельфина: как старший из секундантов по возрасту, схваткой распоряжался он.

Дуэлянты двинулись навстречу друг другу. Ланс спокойно, как на прогулке, хотя ему стоило немалых трудов сдерживаться, чтобы не кинуться в бой очертя голову. Браккарец, еще слишком юный, чтобы держать чувства в узде, чуть ли не подпрыгивал от нетерпения. Менестрель с удовлетворением заметил, что вместо прыща на лбу его противника подсохший струп. Значит, его слова на балу задели мальчишку за живое. Может, еще раз что-нибудь про нарвала? Когда фехтовальщик злится, он становится легкой добычей. Хотя нет... Не стоит. Слишком уж это низко. И без того Ланс чувствовал себя, будто пытался отобрать игрушку у ребенка.

Зато шпага у юноши оказалась длиннее Лансовой, пожалуй, на полпяди. В сочетании с преимуществом в росте, это могло дать противнику надежду на легкую победу. Особенно в схватке до первой крови. Но правильно говорил посланник – мастерства не пропьешь. Мнимая выгода могла сыграть с Ак-Карром злую шутку.

Когда между ними осталось четыре шага, алыт Грегор церемонно поднял шпагу острием вверх и «кивнул» ею в сторону браккарца. Тот и не подумал об ответном приветствии, сразу встав в стойку.

Ах, вот как? Ну, ладно.

Ланс принял третью позицию, нацелив острие в лицо противника и заложив левую руку за спину.

– Начинайте! – выкрикнул Дар-Тан тер Везил.

Менестрель круговым движением кисти обозначил удар в левый бок и тут же провел укол с выпадом.

Юноша на удивление легко защитился секундой с шагом назад. И атаковал в ответ.

Отбив его шпагу квинтой, Ланс взмахнул клинком, целясь в колено выставленной вперед ноги, и только потом осознал, что браккарец пытался ударить его в лицо.

И это они называют боем до первой крови?

Правду говорят – верить островитянам нельзя.

Но не прерывать же из-за такой малости дуэль?

Он отразил две стремительные колющие атаки, сбил клинок противника батманом и вновь попытался достать его плечо. На этот раз левое.

Ак-Карр попросту разорвал дистанцию, пользуясь преимуществом в длине оружия, скрестным шагом ушел влево и сверху рубанул Ланса по голове. Отклоняясь от падающего лезвия и подставляя свою шпагу секстой, менестрель услышал возмущенный возглас Коэла.

«А ничего не попишешь, друг мой, – яростно подумал он. – Сам договаривался».

Согласно дуэльному кодексу двенадцати держав, однажды начавшийся поединок не мог прервать никто. Он должен был закончиться так, как обговорено заранее. И разрубленная голова в этом случае зачтется как первая кровь.

Теперь у Ланса попросту не оставалось иного выхода, как опередить браккарца, который откровенно жаждал его смерти.

«Нет, я буду жить. Я обещал».

Тем временем Ак-Карр нанес удары поочередно справа и слева в туловище Ланса, отбившего их терцией и квартой.

Улыбка юнца больше походила на оскал.

– Ну, держись, икринка... – бросил ему в лицо менестрель, обозначив укол прямо в лоб, в след от прыща.

Браккарец шарахнулся, сбился с ритма, и алыт Грегор погнал его по площадке злыми, жалящими выпадами, обманными уколами в живот, сменявшимися рубящими ударами по ногам и замысловатыми финтами.

Упиваясь схваткой, менестрель уподобил ее музыке.

Здесь так же важна импровизация. Выдумывай связки на ходу, не делай того, чего ждет от тебя противник.

«Ну-ка, поглядим, на что ты способен, молокосос!»

Терция встречала секунду, а квинта – приму. Секста отражала терцию.

Контрапунктами звенели батманы.

Темп нарастал.

Размашистое ларго переходило в решительное адажио, а потом через напористое модерато в стремительное аллегро.

Октавы и кварты. Выпады и уколы.

Клинки вели почти непрерывный перезвон.

Следовало отдать должное предусмотрительности посланника Ак-Нарта. Нанятые им учителя фехтования отлично вышколили наследника, который противостоял Лансу почти на равных. Но учебный поединок есть учебный поединок, а дуэль – это дуэль.

Прорвавшись сквозь замешкавшуюся защиту, старинная шпага алыт Грегора полоснула островитянина по плечу. Не так, как он намеревался изначально, но все равно от души. Заживать будет долго.

Отпрыгнув назад, Ланс замер, чуть согнув ноги и удерживая клинок в «подвешенной» стойке. Он уже злорадно предвкушал, как длинная прорезь на полотняной рубахе почернеет от хлынувшей крови, как скривится и хорошо если не расплчется щенок Ак-Карр, какую мерзкую рожу скорчит его самовлюбленный и наглый отец-посланник.

Но ничего не произошло. Правда юнец кинул косой взгляд на попорченную одежду, ухмыльнулся и с облегчением перевел дух. А в прорехе мелькнули звенья вороненой кольчуги мелкого плетения.

Так вот зачем уму понадобился бесформенный наряд, скрадывающий очертания тела! Чтобы обман не раскрыли раньше времени.

– Капитан, это уже не только против правил, но против чести! – зарычал Коэл.

– Правила устанавливает тот, кто побеждает, – скрипучим голосом откликнулся островитянин.

– Трус и сопляк, – отчетливо проговорил Ланс, твердо вознамерившись плюнуть сопернику в наглое лицо.

– Сдохни, трепанг!

Ак-Карр семенящими шагами пошел вперед, нанося укол за уколом. Его быстрота превосходила понимание алыт Грегора. Менестрель понимал, что не сможет парировать, поэтому отступал, удерживая шпагу над головой – острием к врагу.

Долго так продолжаться не могло.

Правая нога Ланса поскользнулась на желтой глине.

Он пошатнулся, удерживая равновесие.

Увидел острие шпаги, устремившееся ему, казалось, прямо в глаза.

Ответил отчаянным ударом – мужчины из Дома Багряной Розы, даже умирая, старались утащить с собой побольше врагов.

Жгучая боль обожгла щеку.

Ну, вот и все... Он проиграл. Жалкая царапина, но она позволит браккарцам гордиться победой над самим Лансом алыт Грегором.

Сын посланника, вместо того чтобы радостно воскликнуть и расхохотаться, странно-вато булькнул, будто поперхнулся глотком вина.

Только сейчас менестрель заметил, что его шпага торчит у юнца из горла. Добрых полторы пяди окровавленной стали выглядывало из затылка.

– Стража! Арестовать его! – неожиданно визгливо заорал капитан тер Везил.

– По обвинению? – холодно осведомился Коэл.

– По обвинению в убийстве.

Ланс, все еще не понимая до конца, что же произошло, потянул шпагу на себя. Ак-Карр рухнул навзничь, глядя пустыми, мертвыми глазами в пасмурное небо. Кровь растекалась лужей, отказываясь впитываться в землю, и без того промокшую донельзя.

Тер Везил и Коэл стояли лицом к лицу, вцепившись в рукояти собственных шпаг, и буравили друг друга яростными взглядами.

– Здесь, должен заметить, была дуэль, а не игра в фанты, – проговорил капитан стражи.

– Вы что, не видите мертвого тела?

– Тело? Ах да, вижу. Но, знаете ли, я вижу в его руках шпагу. Следовательно, оно при жизни было не столь беззащитным, как может показаться.

– Вы что, с ума сошли, стражник?

– К вашему сведению, капитан дворцовой стражи герцога Аркайлского.

– Надолго ли? – Двое спутников тер Везила подперли его с двух сторон, как вспомогательные башни центральный донжон.

Ланс огляделся по сторонам. Регнар куда-то запропастился. Похоже, они с Коэлом остались вдвоем против троих. Ну и ладно, не привыкать.

– Если пранам из Браккара будет угодно обжаловать результаты поединка, – отрезал алыт Террил, – обратитесь к его светлости. Я уверен в самом справедливом разрешении спора.

– А тем временем преступник сбежит?

– Мы здесь – люди чести, пран Дар-Тан. От судов не бегаем, кольчуги перед дуэлью не надеваем. Ланс алыт Грегор сейчас поднимется в покои придворного мага-музыканта и будет ожидать там суда.

– Он будет ожидать его в подземелье!

– Похоже, в Аркайле появился новый герцог? – Коэл набычился, покрепче упираясь ногами в землю. Капли мороси облепили его усы.

– Герцог в Аркайле старый, – послышался звучный голос. – Но ни один из установленных им законов не позволяет оправдывать убийцу.

Похрустывая гравием, по дорожке шагал наследник – пран Гворр Аркайлский. За ним посланник Браккары, белый, как полотно, и дюжина стражников.

Секундант Ак-Карра и его спутники попятись при виде прана Ак-Нарта.

Склонившись перед сыном герцога, Коэл проговорил:

– Разрешите объяснить, ваша милость...

– Почему преступник еще не арестован?

– Произошел несчастный случай...

– А мне кажется, произошло убийство. – Гворр холодно глянул на Ланса, поглаживая любимый охотничий рожок.

Посланник, переставляя ноги, словно незрячий, подошел к мертвому телу и рухнул на колени прямо в лужу. Лансу почудился сдавленный рык, вырвавшийся из горла островитянина.

– Пран Коэл алыт Террил, немедленно арестуйте убийцу и доставьте его в надежную темницу. Ваше неповиновение мы обсудим позже.

Ланс перехватил шпагу под крестовину эфеса, приготовившись отдать ее. Цепляться за свободу, навлекая гнев правителя на голову друга, он не собирался.

И в этот миг рожок прана Гворра словно ожил, пропев первые несколько тактов мелодии, которую лет пятнадцать назад знали в Аркайле стар и млад. Простецкая песенка, уместная, скорее, в таверне, чем во дворце: «Беги, спасайся, дитя! Беги на север, дитя!»

Пран Гворр дернулся от неожиданности, хлопнул ладонью по инструменту, как по назойливой мухе.

Командир стражи с каменным лицом повернулся к Лансу.

– Вашу шпагу, пран алыт Грегор, – протянул он руку, а глазами указал на ровно подстриженные кусты шиповника, за которыми – все знали – пряталась маленькая дверца.

Ланс попятился. Шаг, другой.

Коэл не отставал, зверски шевеля бровями и губами. Словно хотел закричать: «Да беги ты уже, болван!»

«Куда же мне бежать»? – подумал менестрель.

– Пран алыт Террил. – Голос Гворра стегнул, как бичом. – Нам долго ждать?

Ланс развернулся и кинулся прочь. Проломился сквозь кусты, слыша позади крики:
– Держи! Уходит!

Толкнул дверь плечом. На удивление, она легко подалась.

Он нырнул в темноту коридора, оглядываясь на ходу. Коэл, выхватив шпагу, топтался на пороге, старательно делая вид, что зацепился за косяк подолом сюркотты. За его спиной гомонили на разные голоса стражники. Что-то кричал наследник Аркайлского трона. Рожок на его поясе дудел, как безумный.

«Беги, спасайся, дитя! Беги на север, дитя!»

Альт Грегор не знал, куда приведет его мрачный, в занавесях паутины коридор и слегка растерялся, оказавшись на конюшенном дворе.

Караковый конь перебирал тонкими ногами и норовил укусить за плечо вцепившегося в повод мальчишку в цветах герцога.

– Не стой столбом! – Регнар сунул в руки другу дублет и перевязь.

Ланс опоясался прямо поверх рубашки, бросил шпагу в ножны, сунул в рукав правую руку.

– На! – В ладонь лег увесистый кожаный мешочек. – На первое время хватит. Твою награду я сберегу. – Регнар подставил широкие ладони.

Менестрель оперся коленом и легко взлетел в седло. Разобрал поводья. Ударил коня пятками.

Караковый взвился на дыбы, рванул с места в галоп.

– Храни тебя судьба! – крикнул Регнар, а на брусчатку двора уже выбегали стражники.

Рогатку, перегородившую ворота, скакун преодолел высоким прыжком. Ланса, так и не нашедшего стремян, бросило лицом в жесткую гриву.

Выровнявшись, он оглянулся.

А как же?

Нет, так будет лучше для всех.

Есть такое емкое слово – никогда.

Оно начертано на гербе Дома Багряной Розы.

Никогда не отступать, но если дал слабинку – никогда не возвращаться.

И никогда не жаловаться.

Стылый и соленый ветер с моря свистел в ушах. Желтая грязь летела из-под копыт, которые выбивали в темпе аллегро – ни-ког-да, ни-ког-да, ни-ког-да...

Sezione prima

largo sostenuto

Над Аркайлом плыл колокольный звон. Густой и тягучий, как патока, он расплывался в морозном предрассветном сумраке, катился по площадям, улицам и переулкам, врывается сквозь плотно закрытые ставни во дворцы знати, пробирался в щели жалких лачуг бедноты, отдавался дрожью в витражных окнах храмов.

Обитатель убогой комнатухи под самой черепичной крышей гостиницы «Три метлы», бывший придворный маг его светлости герцога Аркайлского, а ныне перебивающийся уроками музыки для мещанских детишек Регнар альт Варда поежился под тонким тряпичным одеялом, попытался свернуться в «клубочек», чтобы хоть как-то согреться, прижал кулаки к подбородку. Ничего не вышло. Если бы не навязчивый звон, возможно, ему бы и удалось продержаться до рассвета, чтобы не мучиться от голода, ведь, как говорят в народе, кто спит, тот ест, но навязчивый звук прогнал остатки сна. Тем более что отчаянно напомнил о себе мочевой пузырь. Так сильно ему не хотелось по малой нужде с самого детства, когда под пристальным взглядом суровых учителей хочется то воды попить, то совсем противоположного.

Маг-музыкант горько вздохнул, сбросил одеяло, кряхтя, опустил ноги на холодный пол, нашарил сапоги – идти босиком к «ночной вазе» не хотелось, даже если до нее всего лишь два шага. Прошаркал и с наслаждением пожурчал под аккомпанемент все того же перезвона. Маги-звонари старались как следует. Их труд не требовал филигранной точности, но изматывал, и далеко не каждый юноша с музыкальными способностями проходил строгий отбор. Оказавшись без средств к существованию полтора года назад, Регнар пытался устроиться в школу при главном храме Аркайла – соборе Святого Кельвеция Страстотерпца. Но архиепископ не одобрил его кандидатуру высочайшим распоряжением, хотя отец-пресвитер очень просил. Возможно, его преосвященству не захотелось ссориться с его светлостью Лазалем. Кто знает, как воспримет герцог, если церковь возьмет под свое крыло опального мага?

Регнар плотнее запахнул ворот рубахи – из-за стужи он уже давно спал, не раздеваясь, – и отворил ставни. Морозный воздух вперемешку со звоном колоколов ворвался в тесную клетушку, кусая нос и мочки ушей. Но дышать стало легче. Некоторое время маг постоял у подоконника, с высоты последнего этажа «Трех метел» рассматривая засыпанный снегом Аркайл.

Зима в этом году выдалась на удивление снежной и холодной. Обычно за время от адвент до дня святой Пергитты два-три раза лужи схватывал ледок, но в этот сезон замерзло даже море в Аркайлской бухте. Моряки изнывали от безделья, сбивали сосульки со снастей и напивались до бесчувствия в припортовых кабачках. Сперва за жалованье, полученное в конце осени и не потраченное по случаю вынужденной зимовки, а потом и в долг. Бракарцы и кевинальцы, трагерцы и тер-веризцы... Попадались смуглокожие уроженцы островов Айа-Багаана с золотыми кольцами в ушах и длинными черными как смоль косами, бегавшие босиком в самую невыносимую жару и в самый лютый мороз. У питейных заведений вблизи порта видели даже невестку каким ветром занесенных рыбаков из-под Карросских гор. Эти плечистые светлородые крепыши, невысокие, но кряжистые, как базальтовые валуны, из которых северяне строили поселки-крепости, славились тем, что могли выпить подряд пять-шесть кувшинов крепчайшего вина трехлетней выдержки и быть, что называется, «ни в одном глазу».

Моряки буянили, доставляя немалое беспокойство как городской, так и портовой страже. Но горожане в большинстве своем проявляли к ним сочувствие и сострадание. Ведь никому не было легко. Цена на хлеб поползла вверх – мало того что крестьяне из окружающих город деревень не могли подвезти зерно и муку, так еще вздорожали до немыслимых пределов дрова и хворост. Жители Аркайла мерзли. Ну, разве что самые богатые купцы и самые знатные дворяне могли по-прежнему позволить себе жечь огонь в каминах. Остальные обходились жаровнями, которые с вечера ставили у кровати, чтобы хоть немного согреть белье, а потом тушили. Регнар и этого себе позволить не мог, поэтому спал, не раздеваясь и натягивая тонкое одеяло на голову.

Над городом занимался рассвет. Розовели островерхие крыши, покрытые пухлыми снежными шапками. На сторожевых башнях они нависали коржами, словно береты на щеголях-кевинальцах. Иногда, после очередного снегопада, с крыш срывались лавины, и горе тому случайному прохожему, который оказался в то время и в том месте. Несколько человек уже наши смерть в ледяных объятиях оползней.

Потянуло дымком. От добрых, смолистых дров. Запах напоминал о горячей пище и тепле очага. Регнар поморщился, проследил, как легкий ветерок сносил облачко пара от его дыхания, и прикрыл ставни. И без того в комнате холодно, а когда он вернется, то выстуженное помещение придется долго прогревать. А заработанные «башенки» следовало беречь.

Маг насколько мог тщательно расправил складки на мятом полукафтани, где вышивка на груди – черная в ярко-желтые пятнышки Огненная Саламандра – вытерлась, выцвела и поблекла. Подтянул шосссы, которые помнили времена, когда ноги их хозяина были гораздо полнее. Поплескал в лицо водой из медного таза, протер глаза. Задумался: а не побриться ли? Но, представив, сколько мучений доставит не самая острая бритва с холодным мылом, лишний раз ощупал десятидневную щетину и решил оставить все, как есть. Пусть обыватели думают, что у него борода. Опясался перевязью со шпагой. Накинул короткий плащ-епанчу, вышел в коридор.

Дверей Регнар не закрывал. Воровать все равно нечего. Смена застиранного и штопанного белья. Огниво. Упомянутая уже бритва с точильным ремнем. Кусок мыла и засаленное полотенце, отдать постирать которое то руки не доходили, то нечем заплатить прачке.

Внизу, на первом этаже витали аппетитные ароматы. Не иначе жарился на вертеле молодой барашек, запекались в золе клубни земляных яблок. Отдельная струйка аромата указывала, что к мясу готовится брусничный или смородиновый соус. Сглотнув набежавшую слюну, маг поздоровался со служанкой, протиравшей полы. Пухлая рябая девица лет двадцати пяти от роду одарила его жалостливым взглядом, выудила из-под фартука краюху хлеба и попыталась сунуть постояльцу в руки. Несмотря на жгучее желание вцепиться зубами в хрустящую корочку и еще теплый мякиш, Регнар принялся отказываться, как делал это всякий раз, сталкиваясь с жалостью посторонних людей к себе. Еще не так давно он сорил деньгами, купался в роскоши, насколько это возможно для наследника обедневшего Дома, поступившего на службу к правителю одной из двенадцати держав. Заводил выгодные знакомства, принимал восторженные благодарности и заводил легкие интрижки, хотя последними никогда не злоупотреблял в отличие от женского любимчика Ланса алыт Грегора. Теперь, оказавшись на грани нищеты, Регнар все еще стеснялся принимать милостыню. Считал, что жалость унижает человека, хотя и не мог до конца провести границу между унижительной жалостью и бескорыстным милосердием.

Может, ему давно уже следовало принять благорасположение прибиральщицы, перебраться в ее комнату, такую же тесную, зато теплую, расположенную в каменной части здания, согласиться по вечерам развлекать постояльцев игрой на ксилофоне и цимбалах? Наверное, многие на месте опального мага так и поступили бы, но он не сумел заставить себя перешагнуть через гордость. Ведь он столько лет пользовался благосклонностью герцога

Лазалья. Творил, создавал музыку и предоставлял ее на суд взыскательных слушателей. Да, он уступал в виртуозности многим прославленным менестрелям, но магической силой, способностью управлять десятками музыкальных инструментов одновременно превосходил даже самых могучих из них.

Выйдя на крыльцо, Регнар поежился, пряча кисти рук под мышками. Ни на варежки, ни на перчатки денег у него тоже не было.

«Что же сегодня за праздник? – проскользнула в голове вялая мысль. – Что я пропустил?»

Под нескончаемые переливы колоколов – басовые огромных, не уступающих размерами дешевой комнате в гостинице, дискантные, средних от кружки до кадушки, как говорится, вплоть до щенячьего фальцета мелких, больше похожих на детские игрушки, – он побрел по заснеженным улицам, проваливаясь по колено. С вечера вновь сыпало, и пушистый белый покров еще не утоптали тысячи ног жителей Аркайла. Путь предстоял не близкий, в другой конец, в квартал ювелиров, но и времени оставалось еще гуляй не хочу. Проходя мимо старинной церкви Святого Кельвеция, маг сотворил знамение, поклонился, как и положено, искренне, но без фанатизма верующему человеку. Чуть ниже паперти, у ступеней, нищие жгли костерок, вяло переругиваясь. Регнар с трудом подавил желание присесть рядом с ними на корточки и погреть руки.

Вместо этого он ускорил шаги, пробираясь кружным путем, чтобы не прийти слишком рано. Высокий холм в центре города с герцогским замком и парком он обогнул по широкой дуге, не желая беречь душу воспоминаниями.

Проблуждав таким образом почти половину стражи, маг явился к добротной двери златокузнеца Жорреса как раз вовремя. Постучал бронзовым кольцом. Помялся на крыльце, дыша на пальцы.

– Доброго утра, мэтр, – приветливо поздоровалась раздобревшая от хорошей жизни хозяйка. – Заходите, пожалуйста.

Ответив учтивым поклоном, Регнар шагнул через порог. Из кухни так упоительно несло свежесдобренными булочками с корицей, что он едва не потерял сознание.

– Холодно на улице? – спросила Нинелла, просто Нинелла, без всяких там уважительных приставок, ведь ремесленники и негоцианты в двенадцати державах оставались чернью, даже добившись немалого богатства.

– Очень холодно, – не стал кривить душой Регнар.

– Может, чашку горячего чая?

– Не откажусь, – кивнул маг, понимая, что еще немного и сойдет с ума от голода.

Его провели на кухню – вымытую, выскобленную, сияющую чистотой. Налили пахнущий мятой, обжигающий чай. Поставили рядом плоскую тарелку с медом и поднос с булочками. Супруга златокузнеца, сказать к слову, уже позвякивавшего молоточками где-то внутри дома – кто рано встает, тому Господь помогает, – уселась напротив, подперла круглую щеку ладонью. Когда-то она, должно быть, слыла красавицей. Теперь же заплыла жиром, щеки не уступали округлостью тем же булочкам, а к изначальной подбородку добавились еще два.

«А еще бы, – подумал Регнар. – Такая вкуснотища каждый день. Мне бы столько сдобы, я тоже раздулся бы, как мыльный пузырь».

Он не спеша поднес чашку к губам, подул, осторожно отхлебнул. Из всех сил сдерживаясь, медленно взял булочку... Подумать только! Когда-то он терпеть не мог корицу. Они все – трое неразлучных друзей – ненавидели корицу. Козл один раз даже отхлестал ножнами шпаги булочника, который забыл о его пристрастиях и попытался всучить присыпанный корицей рогалик. Бывший капитан стражи его светлости тоже переживает сейчас нелегкие времена. Перебивается случайными заработками. А ведь у него семья – пятеро

детей. Хорошо хоть старший брат, наследник Дома Радужной Рыбы, иногда передавал через бывающего в городе по делам управителя замка немного денег.

Громко хлопнула дверь. Ученик мага – двенадцатилетний долговязый балбес Адран – ворвался и с разбегу налетел животом на стол. Блюдо подпрыгнуло, булочки раскатились по столу. Чашка в руке Регнара дрогнула, проливая густо-коричневую жидкость на белоснежную скатерть.

– Адранчик! – возмутилась мать. – Как ты себя ведешь?! Поздоровайся с мэтром!

Но малолетний пройдоха уже сунул в рот булку, лишь промычал что-то, похожее на курлыканье журавля с завязанным клювом, и убежал с такой же скоростью, с какой и появился.

Маг, не отрываясь, смотрел на расплзающееся по скатерти темное пятно.

– Ой, не переживайте, мэтр! – взмахнула пухлой ладошкой Нинелла. – Большого горя не было бы. Скатерть постираем. А вот кто нам его светлость вернет?

– Что? – От неожиданности Регнар поперхнулся теплой сдобой. Закашлялся, прикрывая рот ладонью.

– Запейте, запейте, – словно курица, квохтала жена златокузнеца. – Может, по спине постучать вам?

– Не... Не надо... – сумел наконец-то вдохнуть маг. Сделал три долгих глотка. Чай слегка горчил и мятной свежестью охлаждал небо. – Что вы сказали о его светлости?

– Так вы мэтр, разве колокольный звон не слышали?

– Слышал. До сих пор в ушах гудит.

– Преставился наш герцог. Отдал душу Господу... – Нинелла мелко и как-то суетливо сотворила знамение. – Соседка говорила, за полночь ему совсем худо стало. Лекарь кровь пускал – не помогло. Вызвали отца Сабана, духовника, значит, его светлости. Тут-то прана Лазалья и соборовали... А, не дожидаясь первой стражи, он и помер.

– Да примет Господь его душу... – грустно пробормотал Регнар, вспоминая старика герцога.

Пран Лазаль из Дома Черного Единорога правил Аркайлом без полутора лет полвека. Хорошо ли, плохо ли... Люди разное говорили. Кому-то не нравились порывистые и на первый взгляд бездумные поступки герцога. Другие восхищались его умением предугадывать развитие событий и отношений между державами.

Следовало отдать герцогу должное, при нем Аркайл почти не воевал. Вначале он всю расхлебывал последствия недальновидной политики своего отца, отвоевывая утраченные земли и возобновляя влияние державы. Усилил армию, почти из ничего создал флот, пусть не самый сильный на восточном море, но вполне способный противостоять притязаниям браккарцев. Потом враги утихомирились. Последняя серьезная заварушка на границе с Трагерой утихла лет двадцать назад. Пиратские наскоки островитян продолжали донимать купеческие суда, но гораздо реже, чем в минувшие годы. Немало тому способствовали непрерывные переговоры его светлости с королем Ак-Орром тер Шейлом из Дома Белой Акулы. Если бы полтора года назад Ланс алыт Грегор не заколол сына посланника Браккары на дурацкой дуэли, то отношения могли бы перерасти в подлинно дружеские. Сейчас острова затаились – не выказывая открытой враждебности, не спешили проявлять особую приязнь.

Но, как бы то ни было, правление Лазалья чаще вспоминали добрым словом, чем дурным.

Перед глазами Регнара, прослужившего придворным магом-музыкантом без малого десять лет, встало лицо его светлости – худое, а в последние годы костистое, с заострившимся носом и обтянутыми сухой кожей скулами, блекло-голубые старческие глаза, седая борода, кустистые брови.

– Да примет Господь его душу, – повторила слова мага Нинелла.

Повисло тяжелое молчание. Есть почему-то расхотелось. Допивать чай тоже.

Они посидели немного, глядя по углам, при этом хозяйка шумно дышала и пару раз начинала всхлипывать.

Регнар поднялся.

– Может, начнем урок?

– Ну, если вы больше ничего не хотите, мэтр...

– Благодарю, как-то не хочется.

– Тогда пойдемте... – Она смахнула несуществующую слезинку. – Жалко-то как его светлость.

Они направились в большую, «общую» комнату, где стоял новенький клавикорд. Регнар обратил внимание, что пачка пергаментных листков с нотной партитурой лежала точно в таком же положении, как и третьего дня, когда они закончили последнее занятие. Маг вздохнул и, сосредоточившись, пробежался по клавишам инструмента. Полились прихотливые звуки песни «Ветер с Карросских гор» – произведение сложное и более пригодное для смычковых, чем для клавишных. Но Регнар никогда не искал легких путей, любил пробовать нечто новое, написанное кем-то так же сильно, как и Ланс создавал мелодии.

Легкий сквозняк показал, что вошел ученик.

Адран стоял, набычившись, и сверлил мэтра взглядом исподлобья.

– Будьте любезны, молодой человек. – Регнар широким жестом указал на низкий карл напротив клавикорда.

Мальчик не сдвинулся с места.

– Будьте любезны, – с нажимом повторил учитель.

Словно через силу Адран сделал два шага и уселся.

– Итак, что я задал?

– Ну, эту, как ее...

– «Проливы»...

– «Проливы Браккары».

– Совершенно верно. Ты разобрал такты, которые я велел разобрать?

– Разобрал.

– Точно?

– Разобрал.

– Будем играть? Или разомнешься для начала.

– Буду играть, – зло буркнул мальчишка.

– Это хорошо. Но, может, для начала разомнешься? Гамму, пожалуйста.

– Не хочу.

– Я не спрашиваю, хочешь ты или нет. Я говорю – гамму, пожалуйста.

Адран горько вздохнул, сцепил зубы и повел хроматическую гамму.

Способности у него были отменные, на зависть большинству магов-музыкантов, которых Регнар знал. Труд и прилежание сделали бы лет за пять сына златокузнеца желанным гостем любого бала в замках богатеев всех двенадцати держав, а еще лет через десять короли, князья и герцоги соперничали бы между собой, чтобы заполучить музыканта-виртуоза к себе на постоянную службу. Но Адран не хотел учиться. Больше того, он ненавидел музыку, терпеть не мог клавикорд и презирал учителя. Он хотел стать военным, хотел маршировать с аркебузой на плече, стрелять, фехтовать, убивать врагов. Вид мага Регнара, музыканта Регнара, мирного человека Регнара, который имел право по рождению носить шпагу, но не избрал войну ремеслом, мальчишку просто бесил.

– Еще раз с начала. Много ошибок.

Заскрипев зубами, Адран повторил гамму. Потом еще раз и еще. Каждый раз он допускал хотя бы две-три ошибки. Не от бесталанности. От невнимания и наплевательского отношения.

«Как же мне хочется плюнуть на тебя, юный мерзавец, – думал Регнар, созерцая перекошенное от брезгливости лицо ученика, – развернуться и уйти. Догадываюсь, и тебе хочется того же. Но не дождешься... Во-первых, серебро твоего отца не дает мне умереть с голоду, а во-вторых, я не доставлю тебе такого наслаждения – почувствовать себя победителем».

Так они изводили друг друга довольно долго. До тех пор, пока учитель не счел, что количество ошибок в гамме, исполняемой Адраном, стало приемлемым. Дав ученику передохнуть, попить водички и сбегать в отхожее место, Регнар велел приступать к «Проливам Браккары».

Проходя к инструменту, мальчик зыркнул на потемневший от времени эфес на боку мага. В его взгляде ясно читалось: зачем тебе оружие, музыкантишко, выбрось, а лучше отдай человеку, который знает в нем толк.

– Когда мы закончим разбирать эти ноты, – Регнар кивнул на пергамент, исчерканный полосками нотных станов, – я покажу тебе новую мелодию. Она называется «Золотые поля Унсалы».

– Фу-у-у... – скривился мальчишка.

– Знаешь, сыграть так же точно, как играл менестрель, написавший эту музыку, не получится ни у меня, ни тем более у тебя. Знаешь почему? – Не дождавшись ответа, маг продолжал: – Потому, что этот мастер никогда не записывает свои мелодии. Другие пытаются, но у них не выходит в точности. А сам он каждый раз творит новую мелодию. Где бы ни играл – в королевском дворце или у костра лесорубов.

– И что с того? Кому нужны поля Унсалы? Да еще золотые. Фу-у.

– Поля Унсалы были нужны многим. Это последние десять лет унсальцы вздохнули спокойно, а до того королевский Дом вел непрерывные войны то с претендентами на престол, то с алчными соседями. Поля Унсалы золотые от растущей на них пшеницы, земля их черная и жирная, как масло, а пропитана она кровью солдат. А написал эту мелодию один юноша, с которым я подружился тридцать лет назад. Ему тоже не хотелось разучивать гаммы и осваивать клавиры, скрипки и тенор-фагот. И он убежал на войну. По малолетству к оружию его не допустили, но доверили ротный сигнальный рожок...

– Тоже мне!

– Как сказать, он был тогда года на полтора старше тебя. Но я не уверен, что тебе доверят даже в барабан бить. Ланс уже тогда был талантливее и тебя, и меня, вместе взятых.

– Ланс?

– Да. Моего друга звали... Да что там, его и сейчас зовут – Ланс алыт Грегор из Дома Багряной Розы.

– Ланс алыт Грегор? Слышал что-то...

Адран кривил душой, и Регнар знал это наверняка. Кто из мальчишек в Аркайле не слышал о Лансе? И не что-то, а немыслимое количество сплетен, откровенных выдумок и совсем немного правдивых историй.

– Ланс алыт Грегор участвовал в десятке войн, пережил больше сотни дуэлей. И он придумывает прекрасную музыку. Незабываемую. Музыку, которая призывает воинов к оружию. Музыку, которая призывает правителей к мудрости. Музыка, которая учит любить...

– И где он теперь?

– Не знаю. Ты еще мал и, наверное, не помнишь, что мой друг Ланс убил на дуэли сына посланника Браккары?

– Я знаю. Он правильно сделал. Какой-то браккарец...

– Правильно или неправильно, судить не нам. Я там был, и то не уверен до конца, что же произошло... К несчастью, наш герцог... Ныне покойный. – Регнар сотворил знамение. – Наш герцог в то время дружил с королем Браккары. Что значит дворянская честь, когда на кон поставлены интересы державы? Лансу пришлось бежать. Где он, я не знаю. Я даже не знаю, жив ли он. Скрываясь от тайного сыска Аркайла, он наверняка бросил творить. Ведь такого менестреля, как он, проще простого узнать. Достаточно услышать его музыку.

– Я бы сделал то же самое на его месте. Я хочу сказать, заколол бы браккарца!

– Нет, не сделал бы. Учиться фехтованию не легче, чем учиться музыке. Там есть свои этюды и свои гаммы, только называются они по-другому. И пока ты научишься не подпускать к своей коже чужую сталь, с тебя сойдет семь потов. А ты не привык трудиться.

– Разве можно сравнивать фехтование и музыку?!

– Можно. Я – дворянин. Я учился и тому, и другому. Да, с клавикордом у меня получается лучше, чем со шпагой. Но я могу точно сказать, приемы одни. Даже названия используются похожие. Ты знаешь, что в музыке называют «секундой»?

– Интервал?... – неуверенно пробормотал Адран. Он не обременял себя изучением ни теории, ни практики.

– Верно. Интервал длительностью в две ступени. А в фехтовании это название – и укол, и защита. Когда шпаги соприкасаются правыми сторонами... Впрочем, я могу отвести тебя ко второму моему другу. У него дела со шпагой обстоят лучше, чем у меня, и лучше, чем у Ланса. Иногда он берется учить юных оболтусов вроде тебя.

– Правда?

– А какой интерес мне врать? Но, должен предупредить, Коэл не берется учить парнишек моложе четырнадцати лет. Так что придется потерпеть. И заняться музыкой. С сегодняшнего дня я буду объяснять тебе, чем тот или иной музыкальный прием похож на выпад, парирование или рипост. Договорились?

– Договорились! – Глаза Адрана сияли. Он напрочь забыл, что еще совсем недавно открыто ненавидел музыкальные упражнения и считал их занятием для слабаков и неудачников.

– Тогда, мой юный друг, нас ждут «Проливы Браккары».

– Браккары? Фу... Ведь Ланс алыт Грегор заколол браккарца...

– А сумел бы он его заколоть, если бы не знал особенности фехтования выходцев с островов?

– Не знаю.

– А я точно знаю – не смог бы. Итак, молодой человек, ты разбирал ноты?

– Честно?

– Честно.

– Нет. Забыл...

– Вряд ли ты мог забыть. Просто не хотелось, так ведь?

Мальчик кивнул, отводя глаза.

– Ничего страшного. Разберем вместе. Итак, ты готов?

– Готов.

Адран глубоко вздохнул – и Регнар ощутил, как ученик обратился к магии. Невольно почувствовал укол зависти – да, способности у сорванца исключительные. Ну, теперь поглядим, как он ими распорядится.

Они занимались почти полную стражу. Нинелла дважды заглядывала, принося каждый раз по подносу свежесдобенных булочек. Увлеченные музыкой, ученик и учитель уминали сдобу до крошки. Наконец Регнар заметил, что мальчик устал. Еще бы! Никогда за время их полугодового знакомства мелкий сорванец не трудился так старательно. Оставив зада-

ние для подготовки к следующему уроку, маг попрощался и покинул жилище златокузнеца. Направился обратно, в «Три метлы». Называть это место «домом» не поворачивался язык.

Колокола утихли. Но мороз только крепчал, забираясь под ношеную епанчу и добротный, но уже весьма потертый полукафтан. Срывались редкие снежинки, цепляясь за щетину на щеках Регнара, и таяли не сразу. Вскоре он понял, что неосознанно выбирает самый длинный путь к гостинице. Одно время ноги сами понесли его в припортовый квартал, где с недавних пор поселился Коэл альт Террил с семьей.

Бывший капитан дворцовой стражи устроился на службу в охрану складов, которые расположились рядом с причалами Аркайла. Жалованье не такое уж большое, зато постоянное, с уроками музыки не сравнить. Благодаря опыту и военной выучке он быстро получил предложение стать начальником ночного дозора охраны и с радостью согласился. Днем, отоспавшись немного с утра, он давал уроки фехтования. Его ученики – охранники, наемники, просто молодые парни мещанского сословия – не нуждались в тонкой игре шпажных клинков. Они хотели получить азы работы абордажным тесаком и палашом, немного кинжалом. На последние просьбы Коэл соглашался нехотя, поскольку однажды обнаружил, что к нему обратились парни из шайки, бесчинствующей по ночам на улицах Аркайла. Когда возмущенный мастер клинка наотрез отказался учить разбойников, ему попытались угрожать, но столкновение в ночной подворотне, где альт Террил заколол двоих и четверых серьезно ранил, отучило хозяев ночного Аркайла от попыток навязать свою волю бывшему стражнику.

Регнару хотелось зайти в гости к давнему другу, но, поразмыслив, он решил, что жена Коэла может подумать, будто музыкант голоден и зашел просто пообедать. Она, конечно, молча покормит его, но будет «пилить» мужа несколько дней кряду. И ее можно понять – пятеро детей, привыкших к сытой жизни, к добротной одежде, учителям. После дворца им приходилось нелегко, и, хотя Коэл из кожи вон лез, чтобы обеспечить семью, денег всегда не хватало.

Вздыхнув, маг отправился на городской рынок, окунувшись в шум, гам и веселье – несмотря на нехватку топлива, на поднявшиеся цены на муку, чернь не унывала. Правда, сегодня ни на одном из четырех помостов не кривлялись жонглеры с акробатами. Как-никак траур, правитель умер. Зато бродячие музыканты использовали скорбь по герцогу Лазалю, чтобы выбить слезу у горожан, вспомнив старые тягучие баллады.

Регнар разменял одну из полученных за урок «башенок» и купил горячую, с пылу с жару масляную лепешку. Съел, обжигая язык и губы, с превеликим удовольствием, как в детстве. Вытер жирные пальцы о снег, хотел было зачерпнуть пригоршню и отправить в рот, но вспомнил, как старший брат учил его в детстве: никогда, ни при каких обстоятельствах не есть желтый снег, рассмеялся и передумал. Кстати, именно братишка Ровар, умерший тринадцать лет назад от черной оспы и не оставивший наследника, как раз и промотал отцовское, и без того невеликое состояние на вино и девок. Именно поэтому даже в зрелом возрасте, живя в достатке, Регнар старался избегать крепких напитков. Но сегодня пренебрег внутренними запретами и помянул его светлостью кружкой горячего сбитня с перцем, гвоздикой, кориандром и добрым десятком неузнаваемых пряностей из южных краев.

К тому времени колокол клепсидры на главной башне пробил третью стражу. Сколь ни противно было возвращаться в «Три метлы», а иного выхода у бывшего придворного мага не осталось. Там хоть и неудобно, зато дешево и разрешают жить в долг, если серебра не хватает заплатить точно в срок. К тому же горячее вино слегка ударило ему в голову, вынудив несколько под другим углом взглянуть на знаки внимания, что оказывала ему пухлая прибиральщица. Ну и что с того, что рябая? Зато сердце доброе.

Регнар зашагал напрямик в гостиницу, успев заметить по дороге, как компания молодых дворян, спешившая куда-то, спешно отвела глаза, сделав вид, что перед ними незнако-

мец. Еще два года назад они кланялись бы и расшаркивались в надежде заручиться дружбой музыканта, который вхож к самому герцогу. И все из-за дурацкой дуэли Ланса... Конечно, дворянская честь дорогого стоит, но убивать сына посланника было зачем?

Потопав на крыльце, маг отряхнул налипший снег с сапог и шагнул в обеденный зал, в душный воздух, наполненный запахом человеческих тел, выпивки и еды. Кивнул хозяину, который возвышался за стойкой и строго следил, чтобы кружки посетителей не пустели – желанием помянуть его светлость сегодня воспылали многие горожане. Помедлил мгновение-другое, раздумывая, а не заказать ли еще чего-нибудь перекусить, и прогнал крамольную мысль. Златокузнец платил неплохо, но все-таки не осыпал учителя музыки серебряным дождем.

– Пран Регнар, – вдруг подбежала к нему та самая прибиральщица с круглыми щечками, изрытыми оспинами. – Пран Регнар, а у вас гость.

– Гость? – опешил он. – Какой еще гость? Где?

– Ну, такой благородный... – на миг задумалась служанка. – Со шпагой. Вроде бы. Он вас наверху ждет.

– Что говорил? О чем спрашивал? – Регнар ощутил страх. Кто мог интересоваться им в день смерти его светлости? Чего ждать от предстоящей встречи? Доброго или дурного?

– Спросил вас, пран. Сказал, что ваш друг. Я сказала, что вы скоро придете. Он сказал, что подождет. Я сказала...

– Все! – неожиданно для себя рявкнул маг. – Довольно! Заладила – он сказал, она сказала...

– Я что-то не так сделала? – Глаза девушки наполнились слезами.

– Нет-нет, все хорошо. Не обижайся... – Регнар понял, что даже не знает, как ее зовут. Или, скорее, просто забыл, не запомнил. – Не обижайся, хорошо? – Он улыбнулся и пошел по лестнице наверх.

Будь что будет. Какая разница, что за пран его ждет? Коэл не пришел бы, это точно – у него сейчас наверняка какой-нибудь ученик потеет с тесаком в кулаке. Родственник? В Доме Огненной Саламандры он последний. Даже если у его брата остался бастард, то толку от их знакомства никакого. Ни одному, ни второму выгоды нет. Любой другой дворянин из старых знакомцев обойдет опального музыканта седьмой дорогой. Заявиться в гостиницу и сидеть ждать в выстуженном номере? Такие жертвы не для них. А может? Вдруг наследник Гворр Аркайлский, теперь-то уже герцог, вздумал простить его и вновь пригласить ко двору? Ведь, в конце концов, будет красиво, если именно он, Регнар алыт Варда, сыграет реквием в память покойного правителя...

Он толкнул двери.

accelerando precipitato

По комнате гулял морозный ветерок, в воздухе плыли снежинки, скапливаясь на маленьком столике и на кровати, на которой сидел, не разуваясь, человек в кожаном добротном плаще с низко надвинутым капюшоном. Он поджал под себя ноги, а на колени положил шпагу в потертых черных ножнах с позеленевшими от времени бронзовыми накладками.

– Ну, здравствуй, – хрипловато проговорил человек, не снимая капюшона. – Я уже устал ждать. Где ты ходишь?

Регнар нахмурился, положил ладонь на рукоять шпаги.

– По какому праву, уважаемый пран, вы врываетесь в мое жилище?

– Топчусь по твоему одеялу, так ведь?

– Именно!

– Регнар, я не думал, что ты в такой нужде, право слово. И все это из-за меня.

Сидящий на кровати сбросил на плечи капюшон с меховой опушкой, на мага глянуло до боли знакомое лицо – русые, изрядно побеленные сединой волосы зачесаны назад и собраны в длинный хвост, прямой нос, тонкая полоска шрама на щеке, когда-то ровно подстриженная, а теперь отросшая, как у портового грузчика, борода с серебристым клоком ниже левого уголка губ.

– Ланс! – не помня себя от радости, воскликнул алыт Варда и прикусил язык.

– Правильно. Не стоит произносить вслух это имя. Да еще так громко, – улыбнулся алыт Грегор. – Но я тоже рад тебя видеть.

– Ты откуда взялся?! – Регнар выглянул в коридор – не всполошился ли кто, услышав его неосторожный выкрик, – и, убедившись, что никого поблизости нет, плотно притворил дверь. – Зачем мою комнату выстудил?

– С чего начинать отвечать? – приподнял бровь Ланс. – Впрочем, не трудись. Я сам знаю с чего. Комнату я выстудил потому, что воняло у тебя, как в отхожем месте...

– О! – хлопнул себя по лбу Регнар. – Это я забыл утром «ночную вазу» вынести.

– Помнишь, как в дальнем детстве нас ругал учитель Теливар? Лучше бы ты...

– Лучше бы ты голову забыл. Да! Сейчас сбегая, вынесу.

– Пустое! Выплесни в окно.

– Ланс... – с укором протянул маг-музыкант. – Что ты такое говоришь? Мы же в столице.

– Да из сотни горожан Аркайла выливают горшки в окна девяносто девять! – покачал головой менестрель. – А за оставшихся это делают слуги. Регнар, откуда ты такой взялся?

Он одним неуловимо-стремительным движением, движением опытного бойца, соскользнул с кровати, скинул плащ. Поежился.

– И правда холодно. Ну, где твоя «ваза»?

– Не надо, я вынесу лучше! – запротестовал алыт Варда. – Все равно надо углей для жаровни принести... Да, ты голодный? Есть будешь?

– Вина выпил бы, – пожал плечами Ланс. Сунул два пальца за широкий пояс, стягивающий дублет, выудил монету. – На! Закажи хорошего вина. Лучше всего с Бурдильонских виноградников. Ну, и закусить на твое усмотрение.

– Не надо, – попятился Регнар.

– Не глупи. – Менестрель едва ли не насильно вложил в его руку монету. «Лошадку»! – Я же вижу, ты с жиру не бесишься. А у меня есть немного. Сейчас есть, завтра не будет. Так почему не потратить их сейчас?

– Да я вообще не уверен, что тут бурдильонское есть...

– Вот заодно и выяснишь.

Маг-музыкант вздохнул и повернулся к двери. В спину ему летел слегка насмешливый голос Ланса:

– Только девочек не надо! Нам поговорить с глазу на глаз нужно...

Ошеломленный Регнар только на лестнице осознал последнее распоряжение друга и весь довольно долгий путь вниз размышлял – это Ланс так утонченно его подколол или в самом деле думал, что бывший придворный маг способен устроить ужин с девицами из веселого квартала.

Брошенный на стойку перед хозяином гостиницы золотой совершил чудо. Многочисленные слуги, относившиеся ранее к магу с изрядной долей жалости и легким снисхождением, забегали, как тараканы, если среди ночи зажечь свечу. Мигом собрали в мешочек древесного угля, вытащили откуда-то две заросшие паутиной и покрытые пылью бутылки – по уверению хозяина, именно бурдильонское, возрастом не менее десяти лет, – нарезали остро пахнущего сыра со специями, нежно-розовой, со «слезой» ветчины, сунули под мышку ковригу белого, с блестящей коричневой корочкой хлеба. Пухлая служаночка с оспинами смотрела на него, широко распахнув глаза, очевидно, с этого дня уверовав в чудеса. Она все порывалась помочь донести выпивку и еду до комнаты, но Регнар отказался наотрез. Поднимался по лестнице медленно и осторожно, прижимая локтем хлебину, удерживая в одной руке сразу две пузатые бутылки, а в другой – широкое блюдо с едой.

Ланс, увидев нагруженного друга, потер ладони. Помог установить поднос на стол, высыпал уголь в жаровню, очень быстро – у Регнара никогда так не получалось – высек искру и разжег мелко нащепленные лучинки.

Друзья зажгли свечу, закрыли ставень и уселись на кровать, пододвинув столик вплотную.

– Ну, за встречу? – проговорил Регнар, когда Ланс ловким и уверенным движением откупорил одну бутылку за другой.

– За встречу!

Они чокнулись и выпили по глотку. Менестрель тут же сунул в рот толстенный кусок ветчины, следом сыра, за ними хлебный мякиш. Прожевав в несколько движений, проглотил, снова запил, уже без тоста.

– Ты прости меня, – нерешительно начал альт Варда. – Я твою награду за выступление в тот вечер не сохранил. Отобрали. Люди наследника Гворра отобрали, когда меня в подвал отводили.

Ланс прекратил жевать.

– Так ты еще и в темнице успел посидеть? – Он скрипнул зубами. – Это ты меня прости, друг. Золото – пустое дело. Оно приходит, оно уходит. Конечно, с ним жить веселее, но в моей жизни деньги никогда не были главным. Ты же знаешь.

– Знаю, но...

– А если знаешь, то успокойся и не отвлекай меня от важного разговора. Все! Не было этих «лошадок». Надо будет, новые заработаем. Разве не так?

– Не так легко сейчас в Аркайле заработать.

– Что, довел пран Лазаль державу? А не надо было с Унсалой ссориться. Унсала – дешевое зерно прежде всего.

– Надеюсь, Гворр это понимает.

– Гворр? – Ланс нахмурился. – Гворр играет в собственные игры. Неизвестно еще, не пожалеет ли Аркайл, что сменил шило на мыло.

– Вот и мне так кажется. Не поторопился ли ты с возвращением? Смерть Лазалья...

– Смерть Лазалья? Ты думаешь, что я вернулся потому, что решил, Лазаль умер и мне ничего не угрожает?

– Ну, похоже что так.

– Вот еще! Я узнал, что герцог очутился, когда миновал городские ворота. Если я решил вернуться, то меня ни живой, ни мертвый герцог удержать не сможет.

– Ты всегда отличался необдуманными поступками. Тебя могут еще искать.

– И что с того? Я приговорен к смертной казни в трех державах из двенадцати. Аркайл добавился? Переживем как-нибудь. – Ланс снова отхлебнул прямо из бутылки. – У меня много дел в городе. Ты мне поможешь?

– А смогу? Что ты задумал? Зачем вернулся? За близнецами? Я не видел Бато и Бето с той самой ночи. За инструментами? Не знаю... Не думаю, что тебе удастся проникнуть в замок...

– Кто знает? – жестко усмехнулся менестрель.

– А может... Может, ты задумал мечь? – Регнар поперхнулся непрожеванным куском хлеба, закашлялся.

Ланс участливо похлопал его по спине.

– Успокойся, друг. Мне всегда было плевать на герцога Лазалья и его сынка. Ты же знаешь, что главное не цепляться ко мне. Если меня не трогать, я и мухи не обижу.

– Ага... Расскажи это семьям тех, кого ты заколол.

– Они всегда начинали первыми. Как тот прыщавый мальчишка с островов. – Ланс потрогал губу. – Ты же был свидетелем ссоры от начала до конца, почему я должен перед тобой оправдываться? Впрочем, я отвлекся. Регнар! Я уверен, что Бато и Бето устроились в жизни и без моего покровительства. Они – парни работающие, хотя и туповатые. Не пропадут. Инструменты мне, конечно, жалко. Особенно свирель. И скрипку-приму. Сейчас таких не делают. Но я обходился полтора года без них и успел привыкнуть к другим инструментам. В конце концов, их можно выкупить через подставных лиц. Во всяком случае, искать у тебя помощи я стал бы в последнюю очередь. Заставить тебя выяснять судьбу моих инструментов – это все равно что заплатить глшатаю, чтобы он три раза в день выкрикивал на рыночной площади: «Ланс алыт Грегор вернулся в Аркайл!!!»

– Тогда чего ты ищешь?

– Не «чего», а «кого». Регнар, я извелся. Я похудел на пару стоунов². Я хочу увидеть ее хотя бы издали.

– Кого?

Ланс пару раз моргнул.

– Кого, я спрашиваю? – повторил маг-музыкант.

– Ты что, Регнар, не в своем уме? Ее. Реналлу из Дома Желтой Луны.

– Погоди-погоди... Ту самую девчонку...

– Регнар, не зли меня. Она не «та самая девчонка», а самая прекрасная девушка от Карросских гор до Айна-Багаана. Ее глаза, как два смарагда, не нуждающиеся в огранке, ибо природа никогда не создавала ничего более совершенного...

– Эй! – Регнар пощелкал пальцами пред лицом друга. – Ты в своем уме? Я раньше у тебя таких ноток не слышал. Что с тобой?

– Я влюблен, как мальчишка, – вздохнул Ланс, а потом помимо воли его губы растянулись в широкой улыбке блаженного. – И я доволен. Три тысячи болотных демонов! Я рад! Я счастлив! Я придумываю головокружительные мелодии. Никогда раньше я не создавал ничего подобного. Правда, приходится скрываться. Никто не слышал мою новую музыку...

– Рад, что ты сохранил остатки осторожности.

– Дружище! А еще я начал писать стихи. Хочешь, прочту по памяти?

– Нет-нет, упаси Вседержитель. Поэзия никогда не была сильной твоей стороной.

– Тебе не нравятся мои стихи?

² Стоун – мера веса, приблизительно 4,8 кг.

– Не нравятся. Можешь вызвать меня на дуэль и насадить на шпагу, как каплуна на вертел, но ты никогда не умел писать стихи. Это тебе кто угодно скажет.

– Может, ты и прав... – задумчиво почесал бороду менестрель. – Пожалуй, ты прав. Мне еще стоит поработать, чтобы избавиться от глагольных рифм. Но я же не о стихах тебе рассказываю.

– Не о стихах. О девушке, которую видел раз в жизни...

– Два раза.

– Ну, пускай, два. Говорил всего один раз...

– Два!

– Во время танца не считается!

– Нет, считается!

– Ты как ребенок, Ланс. Опомнись! Тебе сорок четыре года!

– Да, – кивнул альт Грегор.

– Седина на полголовы.

– Да.

– От твоего Дома тебе остался полуразрушенный замок, где никто не живет, кроме нетопырей и крыс, и герб с девизом.

– А еще дворянская честь!

– Ну да.

– Гордость.

– Конечно.

– Талант.

– И скромность.

– Не без этого... Постой-ка, Регнар, ты пытаешься меня убедить, что я не имею права влюбиться? – Ланс приложил горлышко бутылки к губам. Выругался вполголоса, поставил на стол. – Пустая...

– Ты бы меньше пил.

– Я пробовал. Пил меньше. Полгода совсем не пил. Думал, тоска у меня от вина. Потом пил так, что демонов по ночам видел. Не помогло. К гулящим девкам ходил – хотел отвлечься и забыть ее. И... Веришь? Не смог!

– То есть?

– Нет, ну, наверное, смог бы... Не смог себя заставить прикоснуться.

– Ты меня пугаешь, Ланс. – Регнар протянул другу свою бутылку, так и недопитую.

– Ты себе представить не можешь. Я – далеко не мальчишка. Я, даже если захочу, не смогу пересчитать всех женщин, которые у меня были. К некоторым, как мне казалось, я пылал страстью, с другими просто развлекался. И всегда расставания проходили спокойно. Для меня, я хочу сказать. Они-то, случилось, злились, плакали, проклинали, умоляли вернуться. Но это же женщины, думал я. Им положено. Но когда я увидел ее, Реналлу. Эти глаза, эти локоны, улыбка, стан... Понимаешь, я ни о ком больше думать не могу, кроме нее. Да я уже пять раз собирался вернуться! Перед днем Всех Святых напился, пристегнул шпагу и пешком пошел из Кевинала. Когда Жерон альт Деррен с ребятами нагнал меня и предложил вернуться, я обнажил клинок. К счастью, был так пьян, что никого не заколол. Они меня обезоружили, связали и уложили отсыпаться на сеновал. Регнар! Я хочу ее увидеть. Если потом мне отрубят голову или вздернут на виселице, плевать! Я хочу ее увидеть. – Ланс залпом допил оставшееся в бутылке вино. – Иначе я сойду с ума.

– Во имя Создателя! – покачал головой маг-музыкант. – Где же ее искать?

– Ты можешь спросить у кого-нибудь о Доме Желтой Луны? Кстати, я раньше о нем ничего не слышал...

– Очевидно, захудалый Дом из провинции. Как и наши с тобой. Ставлю тельца против яйца – девочку привезли на бал в Аркайл, чтобы удачно выдать замуж. И тут влез ты, устроил скандал, убил сына браккарского посланника. Да ее родители увезли от такой огласки на самых быстрых конях, каких нашли!

– Но ведь можно поискать? Поспрашивать...

– Знаешь, Ланс, мой нынешний круг общения далек от высшего света Аркайла...

– Значит, пойдем к Коэлу. Ты знаешь, где он живет?

– Знаю. А меня ты как нашел?

Менестрель только отмахнулся. Он уже вскочил на ноги, пристегнул шпагу и наклонился за плащом.

– Может, не надо идти в гости к Коэлу на ночь глядя?

– С чего бы это? Думаешь, он на меня обиделся?

– Нет, его служба предполагает, что ночью он не спит. Дай человеку отдохнуть, Ланс! Клянусь святым Берданом!

Менестрель расправил складки плаща, натянул на голову капюшон.

– Ты думаешь, уместнее будет его теребить с утра? Усталого, невыспавшегося, злого... Нет уж, до четвертой стражи еще есть время. Быстро поговорим. Одевайся!

Регнар понял, что охваченный кипучей деятельностью Ланс все равно от него не отцепится. Накинул на плечи епанчу. Подвесил шпагу на пояс. Дунул на свечу.

Спустившись вниз, альт Грегор настоял на покупке еще трех бутылок вина, головки сыра и хорошего куска копченой оленины. На его плаще изнутри оказались нашиты два кармана, не уступавших, по оценке мага-музыканта, по вместительности переметным сумам.

Потом они долго шагали по заснеженным улицам. Ланс, запинаясь и перескакивая с одной мысли на другую, все пытался рассказать, почему же он не может жить без благосклонного взгляда Реналлы из Дома Желтой Луны. Но им навстречу попадалось слишком много прохожих – горожане спешили в собор Святого Кельвеция на службу за упокой души умершего герцога Лазалья. Поэтому менестрель опасался говорить громко, а Регнар тихонько радовался этому. Ланс с самого детства отличался напористостью в достижении поставленных целей. Уж если что-то взбрело в голову... Поэтому Регнар предполагал, что его беспокойные деньки только начались. Хорошо бы еще и Коэла дома не оказалось. Трудно заранее предугадать, как отнесется к появлению старинного друга бывший капитан стражи. Хотя они с альт Грегором чаще находили общий язык. Возможно, от того, что оба увлекались шпагами.

Коэл альт Террил жил нынче в двухэтажном домике в тупиковом проулке, уводящем от Портовой улицы. Летом по ней грохотали тяжелые телеги, запряженные четверками быков, развозя грузы со складов по всему Аркайлу. В это время тут столбом стояла пылица – не продохнуть. Регнар помнил, что, сворачивая к дому друга, всегда шагал по толстому, мягкому слою желтой пыли. Ставней в доме Коэла летом не открывали. Зато хозяин жилья не драл три шкуры с бывшего капитана стражи.

К счастью, сейчас проулок заметал чистый, белый, хрустящий под сапогом снег.

На обшарпанной двери никогда, сколько Регнар помнил, не было кольца. Поэтому Ланс постучал затянутым в кожаную перчатку кулаком.

Он подождали немного. Вскоре на лестнице послышались шаги. Двери распахнулись. Коэл альт Террил встречал их, затянутый в черную кожу, положив ладони на рукоятку кинжала. Шпага висела на поясе, но в тесноте прихожей от нее какой прок? Губы бывшего капитана сжались в тонкую линию, черные, подкрученные усы всего с несколькими седыми волосками выделялись на бледном лице. А еще Регнар успел заметить мешки под глазами и усталый взгляд. Коэл работал на износ. И ночью, и днем, уделяя для сна слишком мало времени. Сколько он так протянет?

– Регнар? – негромко спросил хозяин дома. – А кто это с тобой?

В этот миг Ланс сдвинул капюшон, приоткрывая лицо.

– Дурень! Быстро в дом! – прошипел алыт Террил, едва ли не насильно втягивая их. Закрыл дверь на засов. Выдохнул. – Только ты мог такое придумать. Безумно отважный и безумно глупый...

– А еще безумно талантливый, – улыбнулся Ланс и обнял Коэла.

Регнар ощутил укол ревности. С ним Ланс не обнялся при встрече, а выругал, что в комнате воняет, как в отхожем месте.

– Ты понимаешь, что, прибыв в Аркайл, ты подвергаешься опасности? – напрямую спросил Коэл, отстраняясь от менестреля, но удерживая его за плечи. – Я точно знаю, тайная служба герцога тебя ищет. Искала все эти полтора года.

– Так пран Лазаль, насколько мне известно, окочурился, – делано удивился алыт Грегор.

– А ты думаешь, он перед смертью вызвал Гвена алыт Раста и отменил старое распоряжение?

– Ну, пран Гвен не дурак, выполнять приказы мертвеца не будет.

– Если ты еще не пропил остатки памяти, – Коэл поморщился, уловив винный дух, исходящий от менестреля, – то приказ о твоём аресте исходил от прана Гворра, а не от прана Лазалья. От наследника герцогской короны, который благодаря смерти любимого родителя вот-вот вступит в законные права престолонаследия. Быстро на кухню!

Алыт Террил затолкал их в жарко натопленную, несмотря на нехватку топлива в Аркайле, кухню. Видно, кухарка, которая приходила с утра и уходила к вечеру, недавно что-то готовила. Пахло вкусно. Пирогам с курятиной, как догадался Регнар. Сам хозяин вышел ненадолго. Должно быть, успокоил жену, что незваные гости явились не со злом. Коэл вообще старался не посвящать супругу, прану Жермину, в свои дела и берег ее от невзгод, как мог. При этом рвался из всех сухожилий, добывая средства на содержание семьи.

Ланс сбросил плащ, расстегнул воротник дублета: «Ну, и жара!» – уселся, закинув ногу за ногу. Потом хлопнул себя по лбу:

– Вино и закуска!

Схватил плащ, начал выгружать покупки из карманов.

Регнар помогал ему по мере сил, когда двери отворились. Вошел Коэл.

– С ума сойти! – воскликнул он, дергая себя за ус. – Ланс, ты можешь считать, что я не рад тебя видеть, хотя я, конечно, рад, но мне очень хочется знать, что ты находишься за границами Аркайла. Лучше всего в Райхеме или Тер-Веризе. Но Унсала тоже ничего, там тайному сыску герцога нелегко работать.

– Дружище! – улыбнулся Ланс. – Мне стоило приехать только ради того, чтобы мы собрались втроем, как встарь. Посидим, выпьем хорошего вина... Оно, в самом деле, бурдильонское – не обманул трактирщик, хоть и шельма, по глазам видно. Ты что, Коэл, не хочешь со мной выпить?

Бывший капитан стражи крякнул, глянул на Регнара.

– Тебе не кажется, что он спивается?

– Думаю, не настолько все плохо, – пожал плечами маг-музыкант.

– Эй, вы что?! – возмутился Ланс. – Вы за кого меня принимаете?

– Ладно, давай по чуть-чуть. Мне на службу, – улыбнулся Коэл, выставляя на стол три пузатые глиняные кружки.

Менестрель разлил вино.

– За нашу дружбу!

– За дружбу! – подняли кружки Регнар и Коэл.

Они выпили, закусили острым сыром и лепешками с сушеным виноградом.

– Ну, раз тебе на службу, – заговорил Ланс. – Я не буду вилять, как айа-багаанская фелука. Хочешь знать, зачем я вернулся в Аркайл?

– Догадываюсь...

– Неужели? Регнар вон подумал, что я хочу герцогу Лазалю отомстить.

– Ну да! – хохотнул алыт Террил. – Ты, конечно, на полголовы ударенный, но не настолько безмозглый. Нет, ради мести герцогу ты не вернулся бы. Только что-то возвышенное. Что-то такое, что отличит тебя от остальных дворян. Позволь-ка я угадаю. Например, безответная любовь.

– Угадал.

– Какой я молодец! А к кому, я даже угадывать не буду. Точно знаю. Реналла из Дома Желтой Луны.

– Верно.

– И что дальше? Что ты от девушки хочешь, старый пенек? – Коэл посмотрел на бутылки, вздохнул и разлил вино по кружкам. – Жизнь ей испортить надумал?

Ланс поморщился.

– Что ты городишь? В чем меня обвиняешь?

– Ты и так скандалом на балу ее на весь Аркайл ославил. Или ты думаешь, что после того, как из-за нее сцепился величайший менестрель и бретер, каких поискать, с бракарским выскочкой, у девицы от женихов отбоя не было?

– погоди, Коэл! Я же не руки просить приехал! Просто посмотреть издали. Успокойся...

– Ага! Издали посмотреть. Это мы горазды, это мы умеем. Опять же стишок какой написать или сонату новую... Ведь писал? Признавайся!

– Писал, – обреченно кивнул алыт Грегор.

– Музыку только?

– Стихи тоже, – вмешался Регнар. – Он даже мне почитать хотел.

– Надеюсь, ты не согласился?

– Лучше смерть!

– Я тоже так думаю. – Коэл в упор посмотрел на менестреля. – Ты вино выпей, не стесняйся, а то сейчас расплескаешь.

Ланс подумал и последовал совету друга. Занюхал рукавом. Посмотрел сперва на Регнара, а потом на Коэла.

– Что вы на меня взъелись? Я что, нарочно все придумал? Сердцу ведь не прикажешь. Ударило как молния на балу. Я вообще не соображал, что делаю, что говорю. Только ее глаза видел перед собой. И посланникова сынка заколол, как в тумане. Ускакал. Далеко ускакал, в Кевинал. Записался в отряд к Жерону алыт Деррену... Слышали про такого?

– Слышали, – кивнул алыт Террил, но Регнар покачал головой. Он в кондотьерах не разбирался вовсе. Только в композиторах.

– Ну вот. Кевинальцы опять что-то с Трагерой не поделили. Как пить дать весной будет заваруха. Я думал, как раз отвлекусь. Как бы не так! Каждую ночь мне Реналла снится. Есть не могу. Шпага из рук валится. Пить... Пить пробовал...

– Кто бы сомневался.

– погоди меня осуждать. Я ж говорю – сам не свой. Никогда у меня такого не было. Я ни о ком, кроме нее, думать не могу. Решил вернуться. Отыскать ее. Хотя бы издали посмотреть.

– И чем это тебе поможет?

– Не знаю... Просто хочу ее увидеть. И все.

– Да... Тяжелый случай. – Коэл отпил из своей кружки, задумчиво пожевал кусочек сыра. – Реналла из Дома Желтой Луны вышла замуж.

– Ты откуда знаешь? – Альт Грегор подался вперед, еще чуть-чуть и вцепится в рукав друга.

– Умею слушать. Слухом земля полнится.

– Не может быть... – Ланс покачал головой. – Ее, наверное, насильно выдали замуж. За старика какого-нибудь, за мешок с деньгами. Она, как я понял, не из богатого Дома.

– Ну, почему за старика? Муж молодой, тридцати еще нет. Из Дома небогатого, но славного воинской службой...

– Из какого он Дома?

– Не скажу. Хватит нам дуэлей. И он не виноват в том, что у тебя мозги сикось-накось полтора года уже.

– Да я и не собирался, просто хотел...

– Знаю я, чего ты можешь хотеть. Я не хочу, чтобы ты на плаху попал. Понял? Не хочу! – Слова Козла падали зло и метко, словно удары шпаги. – Ты – мой друг. Я не хочу тебя терять. Поэтому слушай внимательно. Реналла вот уже больше года замужем. Может, уже ребенка ждет, я не знаю подробностей. Ее муж молод, не чета нам, старикам, хорош собой. Его ценил герцог Лазаль, думаю, и пран Гворр не отпустит из гвардии...

– Ах, из гвардии?

– Ланс! Не вздумай выяснять отношения! Дай им жить. Ладно, я готов признать, что ты влюбился. Седина в бороду – бес в ребро. Перетерпи. Отвлекись. Придумай что-нибудь, ты же гениальный менестрель. Лучший в двенадцати державах!

– Я пытался отвлечься. Я пытался что-нибудь придумать. Ничего не вышло... Вина больше не осталось?

– Не осталось! И вообще, тебе хватит на сегодня. Не хватало, чтобы тебя арестовали за пьяный дебош, а потом опознали в караулке городской стражи. Проследишь за ним, Регнар.

– Я, конечно, попытаюсь... – нерешительно протянул маг-музыкант.

– Не попытаешься, а проследишь, чтобы он лег в постель живым и здоровым. И по возможности трезвым. Ясно?

– Ясно.

– Эй, друзья, – покачал головой альт Грегор. – Я, по-вашему, несмышлениш или совсем бесправный?

– Ты не бесправный, – нацелил на него указательный палец Козл. – Ты безумный. Понимаю, что от благородного чувства, от любви, но нам от этого не легче. Переночуешь... Лучше всего у Регнара в гостинице. Тебе же не привыкать на полу спать?

– Ничего. Я выносливый.

– Вот и хорошо. А завтра убирайся прочь из Аркайла. И как можно дальше. Сражайся. Пусти с кевинальцами кровь Трагере. Режь с трагерцами кевинальцев. Наймись в Унсалу – ходят слухи, что войны с Бракаррой им не избежать. Думаю, бракарцев тебе будет убивать особенно приятно. Война, веселье, маркитантки! Тебе должно понравиться. Раньше ведь нравилось...

– Ты прав, друг, – кивнул альт Грегор. – Я уеду. Уеду далеко. Но вначале я должен ее увидеть. Иначе для чего я отпрашивался у Жерона?

– Наша песня хороша, начинай с начала! – звучно стукнул кулаком о ладонь альт Террил. – Чего ты хочешь? Не может быть, чтобы такой старый дуралей, как ты, просто хотел увидеть девушку. Увидеть и успокоиться. Ты хочешь говорить с ней? Добиться взаимности?

– Об этом я даже не мечтаю. Хотя...

– Ну вот! Я так и знал. Кто тебе дал право лезть в жизнь Реналлы, ее мужа, их родителей, их Домов?

– Не знаю... Я надеялся...

– На взаимность?

– Ну да.

– Я так и знал! Какое самомнение! Регнар, музыканты все такие?

Маг пожал плечами.

– Но она говорила со мной, – возразил Ланс. – Просила меня не умирать. Сказала, что не только музыка...

– Ах, не только музыка?! Ах, он расчувствовался, решив, что седая борода еще может нравиться юным красавицам?! – Коэл сжал кулаки. – Самовлюбленный болван! Ты знаешь, что это я просил ее прийти к тебе в ту ночь и уговорить, чтобы один заносчивый, самолюбивый, безмозглый менестрель согласился на дуэль до первой крови.

Альт Террил развернулся и с размаха ударил кулаком в стену. Задрожали миски и чашки, составленные на полке.

Ланс вопреки ожиданиям напрягшегося Регнара не вскочил, не схватился за шпагу, не бросился на Козла с голыми руками. Он сидел, выпрямив спину, будто проглотил кол, и невидящим взором буравил догорающие угли очага. Только желваки ходили на щеках и раздувались ноздри.

– Прости, друг, я не хотел этого говорить. – Коэл прижался лбом к стене. – Я не должен был этого говорить. Пойми, я хотел, чтобы ссора с сыном посланника окончилась мирно, я не хотел опалы для тебя и заочного смертного приговора.

– Я приговорен в трех державах из двенадцати, – бесцветным голосом произнес Ланс. – Державой больше, державой меньше... Какое это имеет значение?

Он поднялся, перекинул через руку плащ.

– Я ухожу. Регнар, ты со мной?

Маг-музыкант посмотрел на Козла, но тот продолжал стоять лицом к стене.

– Да. Идем, Ланс.

Уже за порогом кухни он услышал едва слышные слова альт Террила:

– Прости меня, друг.

Мороз на улице усилился, но снег прекратился, ветер разогнал тучи, и в бархатно-черном небе проглянули сверкающие звезды. Опытным взглядом альт Грегор нашел голубоватую и яркую Северную Королеву.

«Благодарю Вседержителя, даровавшего мне эту удачу в конце жизненного пути, – вспомнил он собственный шепот. – Вы – чудо, вы – звезда, которая будет направлять меня весь отведенный мне остаток дней, как ведет морехода сияющая Северная Королева».

И нежный девичий голосок:

«Живите. Я не приказываю, я прошу вас, умоляю...»

Она не могла лгать, не могла притворяться. Чистое и непорочное дитя не могло осквернить уста ложью. Просто что-то изменилось с того времени в ее душе... Жаль, что его измученное сердце менестреля не способно меняться так быстро.

– Слушай, Регнар, – с горечью обратился он к другу, скрипящему снегом рядом. – Вот скажи мне, почему вы пытаетесь разбираться с моей жизнью за меня? Почему вы считаете, что лучше, чем я, знаете, чего я хочу, что мне надо?

– Мы же хотели как лучше, Ланс, – виновато произнес маг-музыкант. – Ты дорог нам. Мы боялись и боимся потерять друга.

– То есть вы боитесь, что мне отрубят голову по приказу герцога Аркайлского или посадят на кол с благословения княгини Айа-Багаана. А того, что можете попросту потерять нашу дружбу, вы не боитесь?

Регнар молчал. Шагал, понунив голову.

– Ну, скажи мне, – продолжал возмущаться Ланс. – Скажи, почему я не указываю вам, как жить, ни тебе, ни Коэлу? Почему я молчал, когда он женился на этой сушеной вобле Жермине из Дома Лазоревого Медведя? Я знал, что она выжмет его досуха, как прачка исподнее

белье. Но нет же! Коэл сказал, что он любит ее, и я опрокидывал кубок за кубком на его свадьбе, выкрикивая здравицы. А после терпел ее косые взгляды и улыбался, осыпал Жермину комплиментами, зная, как она пилит Коэла за дружбу со мной – неудачником, мотом, пьяницей, бретером... Но я всегда уважал его выбор. Как уважал бы и твой.

– Ланс, но мы ведь...

– Хотели как лучше. Я это уже слышал. Но не взяли на себя труд подумать о моем мнении, о моих чувствах. Вы дергали меня за ниточки... Такие ниточки есть у каждого человека. У кого-то жадность, у кого-то страх, у кого-то вожделение. А у меня-то были есть и будут всего две – гордость и любовь. И вы, друзья мои, прекрасно изучили, за какую из них и с какой силой надо потянуть, чтобы я заплясал под вашу дудку. Вы дали мне надежду. Надежду и мечту, которая полтора года согревала мое сердце и в то же время кромсала его на куски, как кривой кинжал кочевника из Райхема. Вы думали, я позабуду ее? Позабуду Реналлу из Дома Желтой Луны? Да как я могу забыть эти глаза, похожие на сияющие смарагды в тиаре Вседержителя? Конечно, я уеду. Если она счастлива с мужем, если ей хорошо живется без меня, я не стану нарушать ее покой. Кто я такой, чтобы ломать чужое счастье, пытаюсь сберечь свое?

– Ланс...

– Не перебивай меня! Понимаешь, Регнар, я ее люблю. И скорее всего, уже никого больше не полюблю. Для меня самое главное – чтобы она была счастлива, чтобы ей было хорошо. Конечно, молодой муж на денежной службе у герцога Аркайлского лучше, чем безденежный менестрель – перекати-поле. Надежнее. А ведь для женщины важно, чтобы будущее ее и ее детей было простым, понятным и по возможности безоблачным. Я не посмею мешать ей в этом. Но я должен ее увидеть перед тем, как покинуть Аркайл. Ты можешь выяснить, в какой храм она ходит молиться?

– Я не смогу. А Коэл сможет.

– Не хочу даже слышать о нем!

– Ты несправедлив. Он говорил с тобой честно, как с другом...

– А перед тем честно, как друга, выставил дураком.

– Думаю, вы могли бы обсудить все и простить друг друга.

– Да никогда! Может, мне у него прощения попросить?

– Ну зачем так... Я уверен, если вы поговорите по душам, он сам попросит. Да он уже просил.

– Не нужны мне его извинения.

– А я тебе с легкостью могу доказать, что нужны, вот только...

Неожиданно Ланс схватил друга за рукав, понуждая остановиться. Заболтавшись, они отошли далеко от главных улиц, пробираясь к «Трем метлам» по узким переулкам, Регнар и сам толком не представлял, куда именно идет, опираясь больше на чутье. Как охотники посреди совершенно одинаковых деревьев могут безошибочно указать, в какой стороне его дом, так и прирожденный горожанин в нагромождении каменных и деревянных строений отыщет единственно верный путь. Вот и они забрались в кривую улочку, которая не просматривалась из конца в конец.

Впереди четко, будто нотные знаки на пергаменте, выделяясь на фоне беленых, хотя и облупившихся стен и сугробов, чернели человеческие фигуры. Четверо с обнаженными шпагами в черных полумасках полукругом обступили пятого, тесня его в сторону Ланса и Регнара. «Охотники» вполголоса переговаривались, деловито обсуждая, как лучше зажать жертву и не выпустить из ловушки. Тот, которого они считали добычей, пятился, горбясь и скрывая руки под плащом.

– Четверо на одного! – загремел алыт Грегор, распутывая завязки у горла.

– Ты что делаешь, – зашипел Регнар. – Уходим, пока не поздно.

– Никогда!

– Их же четверо!

– Плевать! Впрочем, как знаешь. Я тебя не держу. Можешь бежать.

Плащ полетел в сугроб.

Теснимый неизвестными врагами человек на миг оглянулся, но лицо его скрывала густая тень от капюшона.

– Шел бы ты, пран, куда подальше, – хрипло проговорил один из «охотников», невысокий, коренастый и длиннорукий. В его произношении Регнар услышал что-то знакомое, но не понял, что именно... Маг-музыкант потянул шпагу из ножен.

– Я же говорю, можешь уйти, – вполголоса бросил Ланс.

– Обидно говоришь...

– Просто я оставляю выбор за тобой.

В этот миг тот, на которого нападали в переулке, резко выпрямился и взмахнул руками. Один из людей в маске охнул и схватился за плечо. Либо метательный нож, либо «орион», догадался Регнар.

Зарывав, остальные нападающие кинулись мстить за раненого товарища.

Альт Грегор, удерживая шпагу в излюбленной подвешенной позиции, а кинжал в левой руке за спиной, шагнул им навстречу. Человек в плаще выудил из-под одежды два длинных кинжала – клинок каждого никак не меньше локтя.

А дальше все завертелось в хриплых выдохах, звоне стали и криках раненых.

Ланс скрестил шпагу с первым нападающим, отвел третьей прямой укол в живот, скользящим шагом ушел вправо, стараясь, чтобы один из доставшихся ему противников загораживал дорогу другому. Как обычно, в мгновения поединка его поле зрения сузилось, лишь краем глаза он отметил, что Регнар довольно неуклюже, но пока что успешно отражает выпады длиннорукого, а не слишком меткий метатель ножей избавился от плаща и отлично защищается, перемещаясь стремительным танцующим шагом, как в бальной зале.

Острые шпаги устремились прямо в сердце. Ланс отвел его полукруговым движением кинжала и, используя преимущество в длине старинного клинка, уколол противник в правое плечо. Тот выругался сквозь зубы и отпрыгнул.

Принимая на «сильную» часть клинка рубящий удар второго, менестрель сообразил, что перед ним уроженцы Унсалы – так сглатывать окончания слов могли только они. Сообразил, удивился и заставил себя забыть, поскольку этот противник оказался более умелым и подвижным, чем предыдущий. Попытку альт Грегора прорвать его защиту колющим ударом в грудь он пресек защитой в секунду и, в свою очередь, атаковал выпадом кинжала, который держал в опущенной руке.

Ланс парировал своим кинжалом и от всей души приложил унсальцу по зубам крестовиной шпаги. Он всегда уважал их короля, успел в молодости повоевать на стороне Унсалы, но не собирался распространять любовь на тех, кто нападает вчетвером на одного в темном переулке.

Слева сдавленно охнул Регнар.

Развернувшись, альт Грегор увидел, что его друг припал на одно колено, схватившись за плечо. В два шага менестрель оказался между ним и длинноруким. Отбил удар примой, хлестнул клинком наотмашь, отгоняя, связал шпагу противника кинжалом и уколол в бок.

Попал!

С удовлетворением заметил, что и невысокий соломенноволосый человек, на выручку которому они пришли, успел расправиться со своим унсальцем, который теперь корчился на снегу в быстро увеличивающейся черной луже.

Оставшиеся на ногах двое в масках теперь пятились. Один перекинул шпагу в левую руку, а второй шипел, как рассерженный кот, и сплевывал на снег кровь.

– Вы все тут и останетесь, – с ненавистью проговорил светловолосый женским голосом.

Ланс думал, что его трудно хоть чем-то удивить в этой жизни, но женщина, не уступающая ему в искусстве игры клинков...

– Проклятая сука... – ответил один из унсальцев.

– Я бы охотно отпустила кого-то к прану Никиллу. Просто передать привет от меня. Но нельзя. Извините, родные мои, но нельзя.

Прежде чем Ланс понял, что разговаривает она с отчетливым браккарским произношением, путая в словах звуки «о» и «а», унсальцы отчаянно атаковали.

Все получилось само собой, как на уроке фехтования.

Отклонив батманом целящий ему в лицо клинок, менестрель по рукоятку вбил кинжал между ребер противника. Прямо в печень. Придержал обмякшее тело, высвобождая оружие.

Браккарка в это же время приняла размашистый рубящий удар на скрещенные клинки, саданула раненному в плечо унсальцу носком сапога между ног, а когда тот скорчился, квакнув, как гигантская жаба с Гнилых болот, расчетливым движением перерезала горло.

Повернулась к Лансу.

– Благодарю за помощь, пран. Но что-то мне подсказывает, я бы справилась и сама.

– А мне что-то подсказывает, что я терпеть не могу браккарцев, – без малейшего намека на учтивость ответил алыт Грегор.

– Насильно мил не будешь, пран, – поклонилась светловолосая.

Она казалась весьма миловидной – большие глаза, губы «бантиком», округлый подбородок. Даже скулы, излишне широкие, на взгляд Ланса, у обитателей островов, не слишком бросались в глаза.

Сунув кинжалы в ножны, женщина подобрала плащ, стряхнула с него снег.

– Твой друг нуждается в помощи, пран. Еще раз благодарю за помощь. Я у тебя в долгу. Менестрель отмахнулся.

– Не стоит благодарностей. Ступайте своей дорогой...

– И вам советую поторопиться. Мы слегка нашумели. До встречи!

Накинув плащ, браккарка припустила с места бегом, с мгновение ока скрывшись из виду. Причем убежала в ту сторону, откуда пришли Ланс и Регнар – по направлению к порту.

Алыт Грегор наклонился к другу.

– Ты как?

– Жить буду, – сквозь сцепленные зубы ответил маг-музыкант. – Но перевязать рану надо. Больно... очень...

Sezione seconda

lievemente tempestoso

Еще в переулке Ланс оторвал рукав рубашки и перетянул рану Регнара, но к тому времени, как они подошли к крыльцу гостиницы, маг-музыкант с трудом стоял на ногах. Весь левый бок его полукафтана пропитался кровью. Ланс перекинул руку друга через шею и волок его на себе. Регнар слабо стонал и едва перебирал заплетающимися ногами.

Когда они ввалились в общий зал «Трех метел», десятки пар глаз повернулись к двери. Альт Грегор мысленно выругал себя последними словами. Не хватало еще, чтобы его узнали! Наклонив голову, чтобы скрыть лицо под капюшоном, он потащил обмякающего Регнара к лестнице. Неожиданно между столами пробежала та самая девчонка-прибиральщица – толстушка с оспинками на лице – и подперла мага с другой стороны. Регнар сдавленно застонал.

– Что с ним? – спросила девушка.

– Потом объясню, – свистящим шепотом ответил Ланс. – Хочешь помочь – помогай!

Подъем по лестнице запомнился ему надолго. Узкая лестница, теряющий сознание Регнар, сдержанное пыхтение прибиральщицы, ступеньки, так и норовящие вывернуться из-под подошвы, балясины перил, то и дело ударяющие по колену.

Наконец изнуряющее путешествие закончилось. Ввалившись в комнату Регнара, Ланс толкнул его на кровать, несколькими быстрыми ударами затеплил трут и зажег свечу. Угли в жаровне уже прогорели, но толстые медные бока хранили остатки тепла.

Увидев почерневший, блестящий от влаги бок Регнара, девушка охнула и зажала рот ладошкой.

– Горячей воды! Полотна! Корпии! Вина! самого крепкого! – скомандовал менестрель.

– Он не умрет?

– Потом болтать будем! Быстро вниз!

Прибиральщица кивнула и убежала, аж пламя свечи мигнуло и едва не погасло.

Ланс размотал повязку, наложенную впопыхах поверх одежды, стянул с Регнара куртку, рубашку, пропитавшуюся кровью и потяжелевшую. Осмотрел рану, из которой слабеющими толчками била кровь. По всей видимости, была задета крупная жила. Ремнем от перевязи мага альт Грегор перетянул ему руку повыше раны. Промокнул кровь полотенцем.

Порывшись в мешочке на поясе, вытащил кривую иглу и несколько конских волосин. Еще в первую в его жизни военную кампанию – небольшую пограничную заварушку между Трагерой и Кевиналом, которая показалась юному музыканту страшной и кровавой, – его научили старшие товарищи-наемники: всегда имей с собой все необходимое для лечения. На войне он так и поступал: возил в переметной суме полотняные бинты, корпию, запас сушеных трав от поноса, от жара, от колик, от кашля и не зависел от отрядного лекаря. Отправившись же в путешествие в Аркайл, менестрель пренебрег правилом и захватил с собой только иглу и нить для зашивания ран. Да и то лишь потому, что много места они не занимали и он попросту забыл их выложить.

Прибиральщица вернулась быстро, очень быстро, запыхавшаяся и взволнованная. В руках – таз с водой, над которой поднимался пар, под мышкой – чистые тряпки, из кармана передника торчало горлышко бутылки.

– Молодец! – одобрил Ланс. – Таз на стол. Вымой руки, смочи тряпку и протирай его. Смоешь всю кровь – скажешь.

Девушка кивнула и кинулась выполнять распоряжение.

Менестрель вырвал пробку из бутылки, плеснул в широкую плошку, которую нашел на полке в углу комнаты, опустил туда конский волос. Потом несколько раз провел иглу через пламя свечи, остудил в вине. Посмотрел на кучу тряпок, принесенных толстушкой.

– Корпия где?

– Не нашла, – отозвалась она, даже не оборачиваясь.

– Щипать придется.

– Нащиплю.

– Работай, давай. Сам нащиплю.

Кинжалом отрезав кусок от полотняной ленты, Ланс уверенными движениями растеребил ткань и через несколько мгновений сжимал в кулаке порядочный клочок корпии.

– Все сделала, пран, – выпрямилась девушка.

– Молодец. – Ланс посмотрел на бесчувственного Регнара. – Держи его крепко.

Она кивнула и, зайдя со стороны изголовья, прижала плечи мага к постели.

– Тебя как зовут? – осматривая рану, спросил менестрель.

– Анне.

– Крови ты не боишься, как я вижу.

– Я из села, – ответила она, ничего больше не поясняя, как будто этим все сказано.

Ланс покачал головой и воткнул иглу в кожу Регнара. Маг выгнулся и застонал, но Анне крепко его держала, а руку менестрель загодя придавил ногой, усевшись так, чтобы боком навалиться на туловище друга. Проколов кожу, он продел вымоченный в вине конский волос, сделал еще один прокол с противоположной стороны раны. Затянул первый стежок.

Регнар метался и стонал, не приходя в сознание. Несмотря на все усилия Анне и Ланса, тело мага дергалось, и алыт Грегор вот уже третий раз кряду пытался сделать второй стежок, но никак не мог воткнуть иглу под нужным углом. Отчаявшись, он уже хотел стукнуть друга в челюсть, но для этого пришлось бы приподняться и выпустить иголку с конским волосом из рук, а она могла упасть на пол. И все пришлось бы начинать с начала – убивать сразу огнем и вином.

– Держи его, девочка, держи крепче... – бормотал менестрель сквозь стиснутые зубы.

– Я держу, – отвечала Анне, хотя, похоже, уже выбивалась из сил.

И тогда от отчаяния алыт Грегор совершил поступок, какой никогда в жизни не позволял себе по отношению к человеку. Просто на миг тело Регнара показалось ему расстроенным клавесином, или виолой, или цистрой. В молодости ему приходилось играть на инструментах, звучащих из рук вон плохо, да и, собственно, настройке не поддающихся. Ничего, приноравливался в отличие от многих знакомых музыкантов – того же Регнара, к примеру. Может, поэтому их пути в музыке разошлись. Дворцовому магу-музыканту не приходится играть на расстроенных инструментах, зато и нет необходимости импровизировать?

Ланс потянулся доступной ему магией к тонким струнам человеческой души и ощутил, пусть на миг, боль, обиду, разочарование в жизни своего давнего друга.

Тронуть здесь, чуть-чуть потянуть там, слегка коснуться... Главное – не перестараться: мало ли какие последствия следует ждать? Никто и никогда в двенадцати державах не упоминал о воздействии волшебством на человеческую душу. Возможно, никто и не пытался. А что, если пытались, но сделали только хуже? И кто знает, не является ли поступок менестреля изначально запрещенным Церковью?

Но ему удалось. Тело Регнара обмякло. Невидимые струны и клавиши, отвечающие за страдания, поддались, отозвались на прикосновение магии, зазвучали в унисон, принося покой измученной душе и раненому телу.

Анне облегчено выдохнула, но тут же насторожилась:

– Он живой?

– Живой... Видишь, дышит. Так бывает, я на войне видел, – соврал, не моргнув глазом, Ланс. – Душа, она тоже свой предел для страданий имеет. Помучается-помучается, а потом отгораживается. Иначе люди умирали бы не от раны, а от боли. Но ты все равно держи его. На всякий случай.

Девушка не возражала.

Альт Грегор споро закончил работу. Шесть стежков на укол шпаги – даже многовато. Но он постарался для надежности. Не хотелось, очень не хотелось, чтобы у Регнара открылось кровотечение. Скусив остаток конского волоса, он прижал к ране корпию, забинтовал сверху чистым полотном и только тогда распустил перетягивающий плечо ремень. Тут же на ткани выступила кровь, но совсем немного. Так, слегка подкрасила.

– Принеси побольше углей для жаровни, – сказал он девушке. – Я за все заплачу, не жалей.

Пока Анне бегала вниз, укрыл мага-музыканта до подбородка, заботливо подоткнул тонкое одеяло. Подумал, накинул сверху короткий плащ-епанчу Регнара. Крови и сил он потерял много, а значит, тепла в теле осталась самая малость. Нужно сберечь его до последней крохотной толики.

Но и сам он чувствовал ужасную усталость. Не привыкать, конечно, весь день в седле и на ногах, но сегодня менестрель успел разругаться с человеком, которого больше двадцати лет числил в друзьях. Обида на чужого тебе человека – пустяк, не стоящий упоминания. Обида на близкого друга – камень на душе, соизмеримый по тяжести с Дозорным утесом, что прикрывал бухту Аркайла с севера. К этому надо привыкнуть, как говорят в Кевинале, ночь переспать. Да и то нет уверенности, что душа смиритесь и перестанет щемить, как посыпанная солью ссадина.

Альт Грегор уселся прямо на пол, справа от окна, поджал под себя ноги, закутался в плащ. Не пришлось даже устраиваться поудобнее. Уставшее тело было готово спать хоть на голых камнях, хоть на гвоздях, подобно странствующим религиозным фанатикам из Голлоана. Если бы сейчас сюда ворвались молодчики Гвена альт Раста, он сдался бы без боя.

Вернувшуюся с углями Анне, которая раздувала жаровню, менестрель видел уже в полудреме.

Ночь до рассвета Ланс провел, скорчившись в углу крошечной комнатухи Регнара, прислушиваясь к слабым стонам друга. Иногда он приоткрывал глаза и видел призрачные очертания Анне, которая примостилась в ногах постели мага-музыканта, наотрез отказавшись уйти.

«Может, Регнару наконец-то повезло? – думал менестрель. – Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Конечно, девчонка не благородного сословия, да и не красавица, прямо скажем, но не важнее ли широкая душа и мягкое сердце, когда речь заходит о любви? А что, если и ему уже пора осесть где-нибудь в глубинке, найти невесту – хорошенькую простушку из какого-нибудь провинциального Дома, растить детей, заботиться об укосе на заливноом лужке, о надоях с двух-трех коров, о том, чтобы в тестевом замке крыша не протекала... Завести пару соколов и свору собак, выезжать на охоту с первенцем... В общем, предаваться тем нехитрым и немудреным радостям, что доступны большинству дворян двенадцати держав».

Тут он заснул. И видел прекрасные зеленые глаза, в этот раз отсвечивающие золотыми блестками, как надкрылья жука-бронзовки, каштановый локон и улыбку, за которую не жалко и жизнь отдать.

Наутро Ланс поднялся, отряхнул помятый дублет, отворил ставни – надышали они втроем презрительно. Встряхнувшись, как боевой конь в стойле, Анне протирали глаза и отчаянно зевала. Регнар спал, дышал слабо, но ровно. Кровь на полотняной повязке потемнела и запеклась. Хорошо. Значит, ночью кровотечения не было.

– Позаботься о нем, девочка. – Альт Грегор высыпал перед Анне все деньги, что оставались у него в кошельке. Пять золотых «лошадок», четыре «башенки» и дюжина медяков. Подумал, забрал себе две серебряные монеты. На первое время хватит, а Регнару сейчас нужнее. – Попроси, чтобы бульона сварили. Вина красного давай. Вообще, пить ему побольше надо. Чай, вино, молоко, вода, неважно... Он слишком много крови потерял, но рана несмертельная и зарастет быстро.

– Я все сделаю как надо, – кивнула Анне. – На вас напали вчера?

– Ерунда, не бери в голову. Пьяная стычка на улице. Сколько я таких пережил с целой шкурой. А Регнар всегда в музыке знал больше толку, чем в шпаге. Но хорошо то, что хорошо кончается, не так ли?

Девушка опять кивнула, закусив губу, будто о чем-то мучительно размышляла.

– Уезжайте из Аркайла, – вдруг сказала она. – Это за вами охотятся.

– Что ты городишь, девочка?

– Я ведь вас узнала, – испуганно пояснила она.

– Где ты могла меня видеть? Или ты во дворец герцога вхожа?

– Я вас давно видела, лет десять назад, тогда его светлость для черни праздник устраивал. На площади рыночной. Я уже большая была, а меня папка на плечи все равно взял, приказал, чтобы смотрела и запоминала.

– Хорошая у тебя память, как я погляжу.

– Да не жалуюсь, пран Ла...

– Тс-с-с... – Менестрель прижал палец к губам. – Лучше, чтобы это имя не звучало в Аркайле. Ты совершенно права. Мне нужно уезжать. Появляясь здесь, я навлекаю несчастья на своих друзей. – Он вздохнул. Опоясался перевязью. – Но я, пожалуй, задержусь на денек-другой. Просто, чтобы быть уверенным – с Регнаром все в порядке.

– Кабы вы, пран, сказали куда, я бы вам весточку прислала.

– Ты что, писать умеешь?

– Самую малость. Ну, пран Регнар бы помог.

– Нет. – Ланс накинул на плечи плащ. – Где я буду, лучше не знать никому. От греха подальше. Хотя жить мне, похоже, незачем... Но я привык. Мне будет скучно в Горних Садах и жарко в Преисподней. Все. Прощай. А может быть, до встречи, Анне. Ты – хорошая девушка. Я желаю, чтобы все твои надежды и мечты сбылись. Удачи тебе!

Развернулся и сбежал по лестнице, на ходу натягивая пониже капюшон.

con affezione poi precipitando

В Аркайл Ланс прибыл вчера утром, оставив коня в платных стойлах неподалеку от Тележных Ворот – поздним летом и осенью сюда нескончаемым потоком вливались подводы, груженные зерном, капустой, репой, земляными яблоками. Купцы платили звонкую монету, грузили все это изобилие на корабли и отплывали на Браккарские острова, в Тер-Веризу и Райхем, на Айа-Багаан. Товары в Кевинал и Вирулию тоже часто возили по морю. Удобнее, чем ломать оси и колеса на горных дорогах или застревать в раскисшей от внезапного ливня глине. Теперь он решил вернуться туда же. Рядом с конюшнями располагалась и гостиница для возчиков, для приезжих в город селян и прочей безденежной мелочи. За одну «башенку» там и покормят и выделят кровать – с клопами, зато мягкую – в жарко натопленной комнате. Там можно и в кости перекинуться, слегка пополнив опустевший кошелек.

С неба вновь срывался мелкий снег. Лиловые предраcсветные сумерки прятались в каждой подворотне, в каждом переулке. И везде Лансу чудились враги. Вот глупая девчонка! Наговорила! Накаркала! Нет, возможно, кто-то за ним и охотится, но уж не унсальцы, это точно. Им-то зачем? А браккарка? Кто она такая, откуда взялась? И, следует отдать должное, кинжалами владеет достойно. Любопытно поглядеть, как она ведет себя со шпагой в руке.

Мороз забирался за пазуху. Альт Грегор плотнее запахнул плащ и положил левую ладонь на рукоять кинжала. Просто так, на всякий случай. Чтобы чувствовать себя увереннее.

Ох уж эта Анне...

Пересекая Портовую – довольно далеко от дома Козла, почти что в другом конце улицы, – он краем глаза уловил мелькнувшую в двух кварталах тень. Сердце забилося сильнее, будто перед сражением.

Ну что за глупости! Кто будет следить за ним спозаранку?!

Скорее всего, это или мастеровой торопится на работу, или припозднившийся гуляка возвращается домой, и в ожидании сковородки в лоб от разгневанной жены ноги сами ведут хозяина окольными путями.

Надо успокоиться и поторопиться взглянуть, как там конь. Своего каракового, на котором бежал полтора года назад из Аркайла, он на время обменял у товарища по отряду Пьетро альт Макос из Дома Зеленого Пса на гнедого. Ну, на всякий случай... Мало ли? Вдруг какой лошади из герцогской челяди не опознает менестреля, а коня запросто. Но гнедого следовало вернуть в целостности и сохранности, любой ценой. Иначе Пьетро не простит, а он хороший парень, хоть и кевиналец – горячий, вспыльчивый, но искренний и отзывчивый.

Пройдя шагов десять по переулку, Ланс понял, что он тупиковый. Вот как бывает, если слишком много начинаешь размышлять и перестаешь глядеть по сторонам. Альт Грегор развернулся и... Снова увидел тень, мелькнувшую на входе в тупик. Складывалось впечатление, что человек собирался свернуть, но вовремя одумался и пошел дальше.

Неужели и правда следят?

Ланс проверил, хорошо ли вынимается шпага из ножен. Вчера он ее протер, но не смазал вечером, не до того было. Кинжал тоже не застревал, хвала Вседержителю. Менестрель вышел из переулочка, огляделся по сторонам. Преследователь куда-то спрятался. Это тоже подозрительно. Случайный прохожий продолжал бы топтать как ни в чем не бывало.

Ладно. Поиграем. И посмотрим, кто кого, будь ты из тайного сыска, или наемный убийца, или...

Альт Грегор ускорился, хрустя свежим снегом под сапогами. Миновал пару кварталов, а потом нырнул в проулок. Если он не пропил остатки памяти, то там должна быть удобная щель между двумя домами. Еще мальчишкой он прятался там от городской стражи

после того, как едва унес ноги из пьяной драки в «Аркебузе судьбы» – трактире дешевом, но именно по этой же причине привлекающем всякое отребье.

Точно!

Память не подвела. Ланс втиснулся в дыру, из которой тянул стылый сквозняк. Двадцать пять лет назад он был стройнее – холодная каменная кладка стиснула плечи. Как в могиле. Оставалось надеяться, что неизвестный преследователь выдаст себя до того, как менестрель закоченеет окончательно и не сможет держать оружие в руках.

Пар вырывался изо рта. Чтобы не выдать себя, алыт Грегор выдыхал за пазуху, одновременно отогревая руки через перчатки.

Наконец раздался скрип снега под быстрыми шагами.

Ага! Торопишься? Думаешь, упустил добычу?

Не охотился ты в Карросских горах, дружище. Клыкастый барс, почуяв преследование, часто сдваивает след и забирается на скалу или ветвь дерева, нависающую над тропой. Горе тому смельчаку, который не глядит по сторонам, понадеявшись на рогатину.

Дождавшись, когда преследователь поравняется с укрытием, Ланс одним прыжком оказался у него за спиной. Правой рукой обхватил мужчину, не отличающегося крепким сложением, поперек туловища, для надежности прихватив руку, а левой приставил кинжал к горлу у самой челюсти.

– Хочешь жить – не трепыхайся. Молчи, руки подальше от оружия. И дышать будешь через раз. Понял?

Преследователь вытянулся в струнку и замер. Отвечать побоялся и даже кивнуть не рискнул.

– Кто послал тебя?

Человек молчал. Пахло от него мокрой овчиной и чем-то неуловимо знакомым, вкусным, наподобие сдобной выпечки.

Ланс надавил на кинжал чуть сильнее.

– Так кто тебя послал следить за мной? Отвечай. Только негромко.

– Мне велено вам передать, пран...

– Не надо имен. Просто «пран». Договорились?

– Да, пран. Договорились.

– Итак, тебе велено передать мне. Что?

– Приглашение.

– От кого.

– Я... Мне нельзя говорить.

– А если я тебя зарежу?

– Значит, такова судьба.

– Ты не боишься смерти? – удивился алыт Грегор.

– Боюсь, пран, очень боюсь.

– Так почему же ты готов пожертвовать жизнью?

– Потому что тогда моя семья не останется без куска хлеба. А если я нарушу приказ своей хозяйки, меня зашьют в мешок и сбросят в залив. А жену с детьми выгонят на улицу побираться.

– Понял. Не лишено смысла. Тогда передавай. Что за послание?

– Вас будут ждать сегодня после третьей стражи.

– Твоя хозяйка?

– Откуда вы?..

– Ты сам проговорился. Продолжай. Я умею хранить тайны.

– После третьей стражи, когда начнет смеркаться, вам нужно подойти к гостинице на улице Храмов. Называется...

– Позволь я угадаю. «Стигматы Святого Трентильяна»?

– Совершенно верно, пран.

– Дальше.

– Дальше вы должны подойти к хозяину гостиницы и показать ему монетку, которую я вам передам. Он проведет вас в комнату. Все.

– Никаких дополнительных распоряжений? Ну, там, прийти без оружия или обязательно трезвым? – ухмыльнулся Ланс.

– Никаких, пран.

– Правильно. Потому что приду в любом случае со шпагой и не откажусь в обед от кружки доброго вина. До третьей стражи еще очень долго.

Посланец молчал, тяжело дыша.

– Кому я мог понадобиться в этом городе? – рассуждал вслух менестрель, не отпуская пленника. – Что за хозяйка? И где меня опознали?

– Не могу знать...

– А я тебя и не спрашиваю. Это вопросы – риторические. Хотя откуда тебе знать, что такое риторика? Где твоя монетка?

– Отпустите меня, пран.

– Еще чего. Где она, я спрашиваю?

– В кошельке за поясом.

– Развязывай тесемки плаща, распахивай его.

Посланец повиновался беспрекословно.

Не отнимая лезвия кинжала от горла пленника, алыт Грегор потянулся правой рукой и нащупал у него за поясом кожаный мешочек.

– Там только одна монета?

– Да, пран...

– Тогда кошелек останется у меня. Верну твоей хозяйке.

Ланс резко оттолкнул незадачливого преследователя, набрасывая шнурок-завязку кошелька на левое запястье, а ладонь правой руки опуская на рукоять шпаги.

Щуплый простолудин с кустистой бородкой блекло-рыжей масти смотрел на него испуганно, но не предпринял ни малейшей попытки схватиться за оружие. Да на нем и не было видимого оружия. Может, нож за голенищем сапога? Да нет, вряд ли... Слишком неумелый и неповоротливый. Или чересчур хороший лицедей.

– Поворачиваешься и уходишь, – приказал менестрель. – Не оглядываясь. Будешь вести себя как послушный мальчик – скажу твоей хозяйке, что ты выполнил ее распоряжения в точности. Нет... Тогда придется соврать ей. Поверь, мне не привыкать. Тебя как зовут?

– Горс.

– Значит, так, Горс. Повернулся и пошел. Я прослежу за тобой. Теперь моя очередь.

Его собеседник закивал, словно в конвульсиях, развернулся на пятках и помчался к выходу из переуллка, едва не срываясь на бег. Ланс, и не собиравшийся ни за кем следить, скорым шагом направился в противоположную сторону. К Тележным Воротам он решил пока не ходить. Его могли заметить и опознать либо там, либо увидев в компании с Регнаром. Кстати, заглядывать к магу-музыканту он тоже в ближайшее время не собирался. Заботы Анне ему должно хватить.

Город просыпался. На улицы выходили заспанные горожане и, сливаясь в единый поток, направлялись в сторону цитадели – замка герцога Лазалья.

«Зачем это?» – подумал Ланс и вдруг вспомнил, что его светлость успел еще вчера переселиться в Горние Сады. Значит, сегодня в соборе Святого Кельвеция Страстотерпца состоится траурная церемония отпевания. С утра гроб с телом покойного повелителя будет выставлен посреди храма, а потом начнется богослужение.

Богатые и именитые дворяне будут допущены внутрь, поближе к укрытому золототканым парчовым покрывалом гробу, «крученым» свечам из ярко-желтого воска, толщиной в мужскую руку, курящемуся ладану и суровым, благочинным священникам в белых одеяниях с черно-золотыми скапуляриями³. Они услышат все слова молитв до единого, попрощаются с его светлостью. Дворяне из захудалых, разорившихся родов, заезжие наемники благородного происхождения и богатые мещане будут толпиться в притворе – сколько поместятся, остальные займут широкую паперть вместе со всеми ступенями. Чернь – ремесленники, подмастерья, грузчики, моряки, приезжие селяне из окрестных деревень – займет площадь вокруг собора и удовольствуется колокольным перезвоном и отдаленным, доносящимся из распахнутых ворот песнопением. А, ну да! Потом мимо них пронесут гроб с телом его светлости, установят на катафалк, запряженный восьмеркой белых коней, и увезут в усыпальницу, скрытую в подземельях замка.

Лансу до одури захотелось присоединиться к толпе. Внутрь он, само собой, не попадет, хотя имеет право, как последний мужчина в Доме Багряной Розы. Его род – один из старейших в Аркайле. Ну, хоть на паперти потолкаться. Вдруг пройдет она? Реналла из Дома... Теперь он уже и не знает, из какого она Дома. Возможно, никогда и не узнает, если будет действовать разумно и сегодня же покинет город. Но вдруг? Хотя бы издали... Нет, в притвор и на паперть нельзя – придется снимать с головы капюшон, а это более чем опасно. Слишком многие помнят его седоватый хвост до лопаток, бороду с серебристым клоком, насмешливый взгляд, слишком многие осведомлены, от чьей шпаги он носит шрам на правой щеке.

Нет...

Придется прятать оружие под плащом и оставаться среди простонародья. Конечно, там его тоже могут опознать, как та же Анне, к примеру. Но большинству покажется случайным сходство странного бородатого мужика с прославленным во всех двенадцати державах менестрелем. Мало ли похожих друг на друга людей по миру шляется?

И Ланс слился с потоком, шагая вместе со всеми к Святому Кельвечию, покровителю Аркайла и герцогского Дома Черного Единорога. Там, на площади, он не стремился протолкаться поближе, как многие другие, напротив, прошелся, пока давка не стала совершенно невыносимой, по внешнему краю, неподалеку от домов, и занял место на ступенях крыльца одного из них. На пытавшихся потеснить его малолеток со стружками в волосах глянул так, что подростки, не раздумывая, ушли и, кажется, перебрались на другой конец площади. Здесь не отличавшийся великанским ростом алыт Грегор видел все происходящее у врат собора как на ладони, а вдобавок мог привалиться одним боком к резным перилам и не слишком утруждать ноги.

Горожане нестройно гомонили, обсуждая причины смерти его светлости, поступки, хорошие и дурные, совершенные им за время долгого и, положа руку на сердце, умелого правления. Сетовали на возросшие цены, на голод и холод. Прикидывали, как поведет себя наследник, новый герцог, пран Гворр, воссев на престол. С кем из правителей двенадцати держав будет дружить и против кого. Не разгорелась бы война с Унсалой или Браккарой. Или еще с кем-нибудь. Кевинальцы вон спят и видят, чтобы отхватить урочище Кларен вместе с замками и деревнями.

«Очень нужно ваше урочище кевинальцам, – подумал Ланс. – Если они на кого и нападут, так это на Трагеру, ради чудесных виноградников в приграничных провинциях».

Упомянутые государства последние двести-триста лет конфликтовали исключительно по этому поводу. В исконных пределах Кевинала почвы были подзолистые и щебенистые.

Менестрель видел, как отряд стражников в сюркоттах с черным единорогом сделал в толпе коридор, по которому пронесли гроб с телом его светлости. Пран Лазаль лежал суро-

³ Скапулярий – длинная широкая лента с прорезью для головы, носится монахами и священниками.

вый и бледный, словно высеченный из мрамора. Снежинки не таяли на его щеках. Прошел пран Гворр с супругой, сыном и младшей дочерью. Следом потянулись представители наиболее именитых Домов: Дом Белого Оленя, Дом Охряного Змея, Дом Черного Волка, Дом Серебряного Барса, Дом Красного Льва. Промелькнула баронесса Кларина в плаще с вышитым рисунком Сапфирного Солнца, но без супруга. Посланники дружественных соседей – многих из них Ланс не знал. Но усов Ак-Нарта тер Веррон из Дома Жемчужного Нарвала не увидел, злорадно ухмыльнувшись в глубине души.

Стражники с протазанами в руках оставались стоять, удерживая пустующий коридор, но никто из дворян более не стремился им воспользоваться. Значит, муж Реналлы не из высшей знати. Это плохо... Попробуй разгляди в толпе хрупкую девушку, которую не видел полтора года, да и еще наверняка в капюшоне. Но и уходить не хотелось. А вдруг? Вдруг свершится чудо? Порыв ветра сбросит капюшон или измученное сердце менестреля само подскажет, когда в толпе мелькнет хрупкий силуэт самой прекрасной девушки от Айа-Багаана до Карросских гор.

От нечего делать Ланс развлекался, дергая магией струну скрипки в руках уличного фигляра, который в окружении товарищей по ремеслу стоял в полусотне шагов, притопывая по снегу. Быть раскрытым он не боялся. Заметить использование чужой магии мог музыкант уровня Регнара, а самоучкам из черни это не дано. Скрипач забавно подпрыгивал при каждом пиццикато и прижимал инструмент к груди двумя руками, озираясь по сторонам, будто птенец, ожидающий, что сейчас ему в рот кинут червяка.

Потом альт Грегор увидел Коэла. Пран альт Террил из Дома Радужной Рыбы. Лицо блеее полотна, губы сжаты в тонкую линию, над которой темной полоской выделялись усы с подкрученными кончиками. Рука об руку с ним вышагивала, будто цапля, прана Жермина. Как всегда недовольная и подозрительная. За ними семенили старшие дочери – девяти и двенадцати лет. Трех младших детей, по всей видимости, оставили дома на попечение няньки.

Настроение Ланса, и без того далеко не безоблачное, упало ниже не бывает.

Даже шутка со скрипкой перестала казаться забавной, к немалому облегчению изведшегося уже фигляра.

Альт Грегор перестал рассматривать толпу, сосредоточившись на прожженной дыре на поле плаща. Должно быть, искра отлетела от костра во время ночевки под открытым небом.

Время тянулось медленно. Так медленно, что, казалось, снежинки стоят на месте в морозном воздухе. Наконец смолкли последние звуки панихиды, неслышимые большинству собравшихся, но Ланс улавливал их внутренней сущностью и даже поймал несколько ошибок церковного музыканта.

Торжественно пронесли символ Вседержителя. Следом прошли архиепископ Аркайлский и четверо служек, размахивающих кадилами. За ним вынесли гроб, прошагала местная знать, делая постные лица, хотя Ланс готов был биться об заклад – Гворр в душе ликует и едва сдерживается, чтобы не пуститься в пляс.

Катафалк направился в сторону замка. Белые перья, украшавшие сбрую, медленно и печально покачивались. Позвякивали траурные серебряные колокольчики.

«Прощай, пран Лазаль, – подумал менестрель. – Видел я от тебя и добро, и зло. Добра, пожалуй, больше, зато зло дольше помнится».

Когда толпа потянулась с площади, Ланс затерялся в людской толчее. Горожане по большей части не шли за телом, а расходились по своим делам. Только верхушка Аркайла, приглашенная принцем на прощальный пир, расселась по каретам и направилась в замок следом за катафалком. Альт Грегор вспомнил, что ничего не ел со вчерашнего дня, и заглянул в ближайшую харчевню «Грива единорога». На половину «башенки» заказал тушеной баранины под чесночным соусом и кружку белого вина, оказавшегося ужасной кислятиной. Хотел было отказаться от соуса, вспомнив, что предстоит встреча с неизвестной хозяйкой

посланца, но потом передумал. Целоваться он сегодня ни с кем не собирался. Еще чего! А поговорить чеснок не помешает. Даже наоборот, поможет держать дистанцию, если незнакомка окажется слишком навязчивой. В минувшие годы ему немало приходилось с такими сталкиваться. Увидели менестреля и решили приобщить к своим трофеям. Наверняка какая-то избалованная богачка лет пятидесяти от роду...

Подчистив остатки соуса с тарелки куском хлеба и допив вино, от которого скрипели зубы, Ланс вспомнил о монетке и вытащил ее из кошелька. Вдруг памятная вещичка и что-то подскажет о личности той, кто так жаждет с ним встречи?

Обычная серебряная «башенка»...

Альт Грегор разочарованно скривился, но, покрутив монетку в пальцах, увидел, что ее не спутать с другими, которые щедрой рукой запускать в оборот еще дед его светлости Лазалья. Не подделка, но ошибка чеканщика. Если на обычных серебряных кругляшках рисунок сторожевой башни Аркайла выбивали лишь с одной стороны, а с другой выдавливали литеру «А». То здесь каменный столб, увенчанный зубцами, оказался с обеих сторон.

Кое-кто из мошенников, играющих в азартные игры по харчевням, отсчитал бы за эту башенку десяток «лошадок».

Ладно, поглядим, не собираются ли его обжулить. Стреляного воробья игрой в «орлянку» не обобрать. Сам кого хочешь перехитрит.

Поразмыслив, Ланс заказал еще кружку вина, твердо дав себе зарок – на сегодня на этом остановиться. Просто не хотелось покидать теплый, хотя и шумный зал «Гривы единорога», но сидящий за пустым столом невольно привлекает внимание. Принесенную смазливой голубоглазой служанкой кислятину цедил по чуть-чуть. Тянул время до третьей стражи. Размышлял о превратностях судьбы и разочаровании влюбленного, который пусть в глубине души, но все же надеялся на взаимность предмета воздыханий, а потом получил от судьбы безжалостный пинок кованым сапогом под зад. Для скорости, как говорится. Лети-ка ты, дружок, из Аркайла куда глаза глядят, да поживее. Помимо воли начал сочинять стихотворение. По привычке зарифмовал «ждать» и «дышать», устыдился убогости поэтических потуг и вышел на мороз.

Тени удлинились. Солнце наверняка клонилось к небокраю. Значит, скоро третья стража. Не дожидаясь колокольного звона с соборной башни, менестрель отправился вдоль по улице Храмов. На встречу его вело исключительно любопытство. Выяснить, каким образом его опознали, и можно распрощаться.

Вот и «Стигматы Святого Трентильяна». Гостиница вполне приличная, для людей немалого достатка. Сюда обычно не пускали бродяг, нищих и матросов. наемник мог получить отдельную комнату и стол в том случае, если по его оружию и одежде вышибалы, стоявшие у двери, опознавали дворянина.

Ланса охватил азарт. А что, если его не допустят пред «светлы очи» хозяина гостиницы? Или незнакомка думает, что он в лепешку расшибется, желая с ней встретиться, и зайдет настолько далеко, что устроит уличную потасовку с двумя простолюдинами одновременно? На крыльцо он взошел развалистой походкой, не снимая капюшона с головы.

Ну-ка, что скажут братцы-вышибалы?

Ему не удалось их обмануть. Ленивый взгляд из-под полуопущенных век старшего из охранников – седого, с дважды сломанным носом и бородой, расчесанной на две стороны по моде унсальских крестьян, – короткий кивок, и младший, черноволосый силач, превосходящий ростом менестреля почти на голову, услужливо распахнул перед ним дверь.

В отличие от «Гривы единорога» в обеденном зале гостиницы царилла благопристойная тишина. Посетители чинно ели с посеребренных тарелок, пользовались не только ложками, но и вилками. Наливали вино не из кувшинов, а из бутылок, с которых вышколенная прислуга напоказ вытирала пыль и паутину.

Ланс прошел напрямик к стойке, где стоял хозяин заведения – лысый, круглолицый, в белоснежном переднике. Выложил монету на выскобленное до блеска дерево.

Лысый бросил на менестреля быстрый взгляд, стараясь разглядеть лицо под сенью капюшона, а потом подхватил «башенку». Крутанул ее в пальцах и, не говоря ни слова, пошел к лестнице. Альт Грегор, оставляя мокрые следы от растаявшего снега, потопал следом.

На третьем этаже хозяин гостиницы постучал в дверь и так же молча ушел, кивком головы велев Лансу входить.

Внутри царил полумрак. Горела всего лишь одна свеча из ароматического воска, которые продавали монахи одного-единственного монастыря на всем восточном материке, в горах, опоясывающих Кевинал. Комната оказалась раза в четыре больше, чем та, где ютился Регнар. Кроме широкой кровати под парчовым балдахином здесь стоял столик с зеркалом, умывальник в углу из белого фарфора и два низких карла. Вместо вешалки у входа торчали из стены рога северной серны, похожие на две черные вилки.

– Ланс альт Грегор всегда приходит вовремя, – произнес низкий женский голос. – Даже если опаздывает.

Менестрель склонился в учтивом поклоне, теряясь в догадках и предположениях.

На кровати, закинув ногу за ногу, сидела баронесса Кларина альт Рутена из Дома Сапфирного Солнца. За истекшие полтора года с их последней встречи она стала только красивее. Все та же белая кожа, едва-едва тронутая пуховкой с пудрой, алые губы, пронзительные синие очи, черные как смоль волосы сегодня были просто расчесаны на пробор посреди головы и скручены в узел на затылке, полуволнами спадая на уши, но не скрывая маленьких мочек с золотыми серьгами в виде солнца, раскинувшего в стороны прихотливо извивающиеся лучи. Все верно, в день траура по сюзерену и любовнику нечего кичиться изысками в одежде и прическе. То же мнение подтверждало и простое сиреневое платье без выреза, вышитое на воротнике и узких манжетах серебряной нитью.

– Ваша милость, – пробормотал Ланс. – Прошу простить мой непритязательный внешний вид.

– Насколько я помню, вы и на балах не баловали нас излишней утонченностью в одежде. Чего не скажешь, должна признаться, о вашей музыке.

– Надеюсь, и манерах тоже, – выпрямился менестрель.

– Свои манеры вы уже показали в полной красе. Полтора года назад.

– Не я первый полез в драку.

– Но вы ударили локтем по спине этого смешного мальчишку с прыщом... Как его там? – Кларина пощелкала пальцами.

– Ак-Карр из Дома Жемчужного Нарвала.

– Да-да, именно... Посланник Ак-Нарт тер Веррон был безутешен. Единственный сын. Да еще и племянник короля – пран Ак-Нарт женат на сестре его величества Ак-Орра тер Шейла из Дома Белой Акулы...

– Зачем вы мне это рассказываете, прана Кларина? – довольно неучтиво встрял альт Грегор. – Придворные интриги Бракары меня никогда не интересовали. Пусть он был бы хоть принцем крови – отвесив мне пощечину, дуэли не избежал бы.

– Он был почти принцем крови. У короля Ак-Орра одни лишь дочери. А на островах допускаются браки между двоюродными братьями и сестрами. Пран Ак-Нарт возлагал на сына такие надежды!

– Благодаря этим надеждам и сомнению зарвавшегося юнца, а также обычной бракарской хитрости и лжи я сейчас в бегах, один из моих друзей влачит жалкое полунищенское существование, а второй спит по два-три часа в день, чтобы прокормить семью.

– А может, дело в вашей излишней гордости, пран Ланс? – приподняла бровь Кларина. – Ну, и в невероятной влюбчивости, я бы добавила.

– Ваша милость, – менестрель расправил плечи, – во-первых, дворянская честь для меня пока что не пустой звук. К счастью, для большинства моих соотечественников тоже. Вам-то это должно быть известно. Во-вторых, моя влюбчивость касается меня, и только меня. Я – свободный человек и свободен в поступках.

Баронесса улыбнулась, покачала острым носком сафьянового сапожка.

– Я ценю ваши понятия о чести, пран. И ни в коем случае не пытаюсь навязать свое мнение, кого, когда и где любить, – улыбнулась она. – Прошу вас присесть. Да! Снимите же наконец свой плащ. От него разит походным костром и вообще солдатней.

Ланс покачал головой, но губы помимо воли растянулись в улыбке. Ну, хоть один человек в этом городе оставляет за ним право определять собственную жизнь. И кто бы мог помыслить, что этим человеком окажется баронесса Кларина, которую он слегка недолюбливал, несмотря на постоянные попытки фаворитки его светлости завязать дружеские отношения.

Накинув плащ на вешалку, алыт Грегор одернул дублет, отстегнул шпагу и положил ее на туалетный столик. Уселся на карл напротив баронессы.

– Увы, ваша милость, – развел он руками. – От меня всего разит солдатней, поскольку в настоящее время я и являюсь наемником, сражаясь не за родную державу, как хотел бы, а нанимаясь за презренный металл на службу соседям.

– А еще от вас немилосердно разит чесноком, пран. – Кларина поднесла к носу надутый кружевной платочек.

– Ну, что поделать, ваша милость! – Ланс развел руками. – Такой уж я стал, неотесанный и грубый, вдали от Аркайла.

– Но вы же знали, пран Ланс, что вас приглашает на встречу женщина благородного происхождения.

– Знал, ваша милость.

– И все равно не отказались от чеснока за обедом? А ведь приглашение могло носить характер...

– Для меня не могло, ваша милость. Я могу любить одновременно не больше одной женщины. Вот такой уж я уродился. Можете отнести это к моим достоинствам или к моим недостаткам, на ваше усмотрение.

– Я бы, скорее, отнесла к достоинствам, – кокетливо протянула баронесса, и в душе Ланса всколыхнулись нехорошие подозрения. Хотя, с другой стороны, зачем он ей? Кларина охотится за богатыми и влиятельными мужчинами.

– Благодарю за честь, ваша милость.

– Не за что. Вы всегда вызывали во мне любопытство, смешанное с восхищением. Великолепный музыкант, но очень мало честлюбия. Ведь вы могли с легкостью занять место Регнара алыт Варда, не так ли?

– Регнар был на своем месте. При дворе герцога, я хочу сказать. А я – на своем. Зачем мне занимать его место?

– Вы все шутите. А как же сытая и беззаботная жизнь?

– Это скучно.

– Ну, возможно... А благодаря мастерству фехтовальщика вы могли бы возглавить стражу. Хотя если принять во внимание благородство Дома Багряной Розы, то и гвардию.

– Что вы, что вы, ваша милость! Это тоже не для меня. Подчиняться? Служить? Увольте! – Алыт Грегор замахал руками, улыбаясь.

– Но сейчас же вы подчиняетесь кондотьеру?

– У нас договор. Он платит, я подчиняюсь.

– Значит, плату от кондотьера в награду за преданную службу вы готовы принять, а от герцога нет?

– Родине за плату не служат. Родине нужно служить от чистого сердца.

– Я же и говорю, любопытный вы человек, пран Ланс. Не от каждого дворянина подобное услышишь.

– Уж какой есть.

Кларина помолчала, покачивая ногой. При этом ее синие глаза цепко рассматривали менестреля.

– Пран Ланс, – наконец сказала она. – Вы же не станете меня уверять, что вернулись в Аркайл исключительно из любви к родине? Или чтобы попрощаться с прахом его светлости.

– Конечно, нет.

– Я даже не буду спрашивать вас о причинах неожиданного возвращения. Не буду, поскольку совершенно точно знаю, кого вы хотели повидать.

– Я повидал всех, кого хотел.

– Неужели? А я вот точно знаю, что не всех.

– Вы разочаровываете меня, прана Кларина. В начале нашей беседы вы дали понять, что не собираетесь домысливать за меня или приписывать мне поступки, которые я не соби-
рался делать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.